

СЭМ
ВААГЕНААР

МАТА ХАРИ

ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
ЛЕГЕНДАРНОЙ
ШПИОНКИ XX ВЕКА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Сэм Ваагенаар
Мата Хари. Подлинная история
легендарной шпионки XX века
Серия «Документальный триллер»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128951

*Мата Хари. Подлинная история легендарной шпионки XX века: Родина;
М.; 2022*

ISBN 978-5-00180-545-8

Аннотация

Пауло Коэльо посвятил ей свой роман, композитор Джакомо Пуччини посылал цветы к ней домой после каждого ее выступления, ее образ на киноэкране воплощали такие звезды, как Грета Гарбо, Мерли Оберон, Франсуаза Фабиан, Жанна Моро и Сильвия Кристель.

Журналист Сэм Ваагенаар был первым автором, написавшим действительно документальную книгу о знаменитой танцовщице и куртизанке, обвиненной в шпионаже и расстрелянной французами в 1917 году. Ему удалось получить доступ к архивам французского военного министерства, к официальным голландским документам, к материалам допросов Мата Хари в Скотланд-Ярде, а также к ее личным дневникам, а, кроме того, собрать множество свидетельств людей, лично знавших

эту незаурядную женщину, ставшую жертвой интриг секретных служб и царившей во Франции шпиономании.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	15
Глава 2	23
Глава 3	54
Глава 4	75
Глава 5	85
Глава 6	99
Глава 7	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Сэм Ваагенаар
Мата Хари. Подлинная
история легендарной
шпионки XX века

*Sam Waagenaar, Sie nannte sich Mata Hari; Ullstein Verlag,
West-Berlin; 1968.*

© Ваагенаар С., 2022

© Крюков В., пер. с нем. 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

Это первое документальное жизнеописание Маты Хари. Уже почти пятьдесят лет ее историю пересказывают авторы, собиравшие свои знания о ней исключительно из слухов. Фактов было не просто мало – они чаще всего вовсе оставались неизвестными. Потому слухи заменяли правду.

Эта книга построена на фактах. В своих исследованиях о жизни Маты Хари мне повезло натолкнуться на документы, большая часть которых оставалась до сегодняшнего дня неизвестной.

Часто упоминаемое в разговорах французское секретное досье о Мате Хари до сих пор остается закрытым. Только два посторонних человека видели его – Ален Прель, французский журналист, которому слепой случай дал возможность скопировать часть этого «дела» – в основном протоколы предварительного следствия, и я.

Хотя французское правительство все еще отказывает общественности в доступе к этим документам, их содержание почти полностью приведено в моей книге.

Точные подробности обвинительного заключения по делу Маты Хари никогда не были известны. Также не были известны имена всех членов военного суда, приговорившего ее к смерти. В тайне оставался во многом и ход процесса, особенно как проходило голосование судей. Французское воен-

ное министерство никогда не позволяло никому взглянуть в протоколы судебного разбирательства.

Тем не менее в этой книге есть и такая информация.

Роль англичан в истории Маты Хари никогда не освещалась. Не публиковавшиеся до последнего момента документы Скотланд-Ярда позволили мне подробно реконструировать и эту фазу жизни Маты Хари.

Очень важные личные письма Маты Хари, написанные частью еще до Первой мировой войны, и письма, которые она отправляла из своей камеры в парижской тюрьме «Сен-Лазар», позволяют нам по-новому оценить мысли и настроения этой женщины. И никогда ранее не публиковавшаяся переписка между Матой Хари и ее импресарио дает нам возможность увидеть ее как женщину, совершенно отличающуюся от сложившегося у нас в мыслях образа.

И еще ее личное наследие – ее дневники, ее альбомы, доставшиеся мне.

Мой интерес к Мате Хари начался в 1931 году. Именно тогда кинокомпания «Метро-Голдвин-Мейер» решила снять фильм о Мате Хари с Гретой Гарбо в главной роли. Фильм должен был показать жизнь Маты Хари и описывал в основном время ее предполагаемой шпионской деятельности. Как шеф европейского отделения пресс-службы МГМ, я сначала заинтересовался этим делом и потому, что я тоже голландец, как и Мата Хари.

Мата Хари была казнена французами в 1917 году после

судебного разбирательства, ставшего самым сенсационным шпионским процессом Первой мировой войны. Когда киностудия планировала предоставить Грете Гарбо роль этой шпионки и танцовщицы, с того дня прошло 14 лет. Потому я мог предположить, что в Нидерландах живет еще немало людей, лично знавших Мату Хари. Поездка из Парижа в Голландию, подумал я, даст мне достаточно материала, который мог бы стать полезным для рекламы нового фильма.

Но результат этого путешествия превзошел все мои ожидания. На меня нахлынула волна описаний и сведений, далеко выходящих за рамки моих целей. Я говорил с братом Маты Хари, с врачом, который лечил ее в Голландской Ост-Индии. Я проинтервьюировал третью жену ее бывшего мужа. Подробно говорил с адвокатами, со знакомыми танцовщицы. Я встречался с людьми, работавшими для нее. Я встретился с художником и ее близким другом, который создал ее различные портреты. Я беседовал со многими другими людьми, которые ее хорошо знали и в воспоминаниях которых она все еще была жива. Но однажды кто-то упомянул имя одного человека, который, вероятно, знал о Мате Хари больше любого другого ее современника.

Мое путешествие привело меня в маленький поселок в Лимбурге, самой южной провинции Голландии. Там в крошечном домике на окраине деревни жила старая женщина, которая много лет служила Мате Хари. Ее звали Анна Линтьенс. Она была камеристкой, горничной, компаньонкой и

доверенным лицом Маты Хари.

Госпоже Линтьенс было уже за семьдесят, когда я посетил ее в 1932 году. Сначала она встретила меня очень сдержанно. Когда я объяснил ей, что собираю сведения о Мате Хари лишь с целью показать, что она тоже была человеком (пусть и с печальной известностью), она стала более открытой.

Госпожа Линтьенс точно знала, что до этого момента не было ни одного человека в мире, хотя бы попытавшегося оправдать Мату Хари. Как раз наоборот. Все писатели и журналисты приняли как факт, что она была шпионкой немцев. Все ее жизнеописания заканчивались утверждением, что вынесенный французами смертный приговор был справедлив.

Смогла бы она, спросил я госпожу Линтьенс, чем-то дополнить историю этого знаменитого дела? Сказать что-то, проливающее новый свет на жизнь ее прежней хозяйки?

Худая, маленькая, тихая женщина дала мне высказаться, не прервав ни разу. А когда я замолчал, она заговорила.

– Она никогда не была шпионкой!

Это утверждение в тех обстоятельствах не значило много. Но оно все-таки исходило от человека, знавшего Мату Хари ближе и дольше, чем кто бы то ни был. И потому эта простая фраза показалась мне первым ясным подтверждением невиновности Маты Хари – невиновности, о которой сама танцовщица неустанно заявляла в ходе всего процесса, закончившегося пятнадцать лет назад.

Атмосфера в комнате разрядилась. Госпожа Линтьенс

смягчилась. Она начала рассказ.

Линтъянс познакомилась с Матой Хари в 1905 году.

Рассказывая, она варила кофе. Только решительная защита мною ее бывшей хозяйки растопила лед. Она рассказывала, что в прошлом году (1931) она так тяжело болела, что была уверена в близкой смерти. Она и не ожидала, что выздоровеет. Чувствуя близкий конец жизни, она начала думать, как следует поступить со всеми письмами и бумагами, когда-то принадлежавшими Мате Хари.

Я чувствовал, как во мне росло напряжение. Что же она сделала со всеми личными бумагами, которые, возможно, по-новому осветили бы жизнь танцовщицы? Остались ли они у нее?

Анна покачала головой.

– Нет, – ответила она, – у меня их больше нет.

Когда она выздоровела, то испугалась, что бумаги смогут попасть не в те руки после ее смерти. После долгих колебаний она решила все уничтожить. Так что в прошлую зиму она однажды сожгла в железной печи своего домика все бумаги, хоть как-то связанные с Матой Хари, все письма и документы, принадлежавшие ей.

– И у вас ничего не осталось? – спросил я. – Совсем ничего?

Она долго смотрела на меня. Потом медленно встала, прошла по коридору и исчезла в комнате с другой стороны прихожей. Прошло достаточно долго времени, пока она снова

появилась. В руках у нее были две толстые книги.

– У меня еще осталось вот это, – объяснила она.

Я взял книги. Это были большие тома, прекрасно переплетенные в кожу с золотым тиснением. На обложке золотыми буквами было написано имя владельца: МАТА ХАРИ. Над буквами «А» изящно переплетались знаки индийских акцентов.

Я медленно открыл одну из книг. Появилась фотография прекрасной женщины. Анна Линтъянс слегка кивнула головой, показывая, чтобы я листал дальше.

Я переворачивал страницы. Перед моим взглядом прошло много фотографий. «Май 1908» – была подписана по-французски одна из них. Почерк был великолепен. Под другой была надпись «Вечер у меня».

Я снова взглянул на госпожу Линтъянс.

– Неужели это?.. – спросил я, не в силах продолжить фразу. Она все так же молча кивнула и села рядом.

Я ждал, пока она заговорит. Ей было не только физически тяжело принести толстые тома, но и в душе у нее происходила борьба. Если она сожгла все прочие документы Маты Хари, то почему не эти альбомы, в которых информации было никак не меньше, чем в уничтоженных бумагах?

– Они принадлежали ей, – сказала она после короткой паузы. – У меня не хватило духу их уничтожить. Она собирала каждый клочок бумаги, написанный о ней: письма, газетные статьи, все ее фотографии, всё. И на всем были ее собствен-

норучные пометки. Она всегда возила их с собой.

– Во всех ее путешествиях?

– Да. И когда она в 1914 году поехала в Берлин, – ответила госпожа Линтьенс. – Она там должна была танцевать в театре «Метрополь», но тут началась война. – Пауза. – Я не знала, где она там останавливалась, пока не узнала, что она вернулась в Амстердам.

У меня почему-то не было слов. То, что я держал в руке, были личные заметки Маты Хари, чудом сохранившиеся в маленькой хижине сонной голландской деревушки.

– Что вы с ними будете делать? – спросил я.

– Не знаю, – ответила госпожа Линтьенс. – Действительно не знаю. Я думаю над этим с того дня, когда сожгла все остальные бумаги. Здесь, в этих книгах, ее жизнь. Это годы, которые для нее на самом деле что-то значили. Потому я не смогла их уничтожить. Но теперь я не знаю, как поступить с ними. Я не хочу, чтобы они попали не в те руки, когда я умру. С прошлого года, когда я так серьезно болела, я знаю, что это обязательно произойдет – однажды. Мне 71 год. Кто знает, сколько мне еще осталось жить?

Тут я не мог сказать ничего – ничего, что я мог бы предложить или посоветовать. Так мы еще немного поговорили, пока я не почувствовал, что пора уходить. Я не мог больше пользоваться гостеприимностью этой женщины. За этот день она рассказала мне большую и, вероятно, самую важную часть своей жизни. Мы молча сидели рядом. Госпожа

Линтьенс смотрела в окно. Наконец она снова обратилась ко мне.

– Возьмите их, – сказала она. – Я чувствую, что могу доверить их вам. А если вы их не возьмете, мне останется только сжечь и их.

Это предложение меня ошеломило.

– Я верю тому, что вы мне рассказали, – продолжала госпожа Линтьенс. – И я знаю, что эти книги у вас хорошо сохраняются. Но вы должны мне пообещать, что не отдадите их в чужие руки, пока я жива.

Я дал ей слово.

В тот же вечер я в своем номере в амстердамской гостинице просмотрел альбомы. Они были полны поразительными документами о карьере актрисы. Тут были письма и визитные карточки людей, имена которых гремели в свое время по всей Европе. Письма Жюля Массне, французского композитора. Визитная карточка Джакомо Пуччини. Самые ранние записи и телеграммы датировались 1905 годом. Бумаги охватывали период еще до ее первого выступления в Музее Гиме в Париже – начала ее громкой славы – и до фотографии из Гааги 1915 года, когда она в последний раз появилась на сцене.

Я всегда хранил эти книги у себя. В годы войны они хранились в надежном банковском сейфе в Голливуде. Я сам тогда жил в Америке. Со временем мир начал видеть Мату Хари такой, какой ее воплотила на экране Грета Гарбо –

восхитительной танцовщицей, расстрелянной французами в Венсене.

В конце 50-х я снова начал больше читать о Мате Хари. Сперва это происходило достаточно спонтанно. Но со временем я интересовался ею все больше и больше. Каждая статья, которую я читал, каждая найденная мною книга только усиливали неясность. В конце концов я был убежден, что богатство накопленного мною материала требует серьезной исследовательской работы, чтобы вывести жизнь Маты Хари из тьмы мифов и фантазии к неподкупному свету правды.

Шесть месяцев подряд занимался я своим расследованием. Большую часть времени я ездил в Голландию и Францию. Но точно так же посещал я Англию и Германию. Я писал сотни писем в государственные и городские архивы, в судоходные компании, отели и банки, в Скотланд-Ярд, фирмы и министерства девяти разных стран, обращался к бесчисленным людям в голландских и французских городах и деревнях. Чем дальше продвигалась моя работа, тем сильнее возрастало во мне чувство убежденности, что история Маты Хари так и не была рассказана полностью и правдиво.

Эта книга – результат долгих усилий по поиску настоящих источников истории Маты Хари и результат моего упрямого нежелания воспринимать что-то как данность без сомнений и проверки. Ее содержание полностью и без исключений подтверждено, даже если что-то в ней противоречит так называемым фактам, опубликованным раньше.

Глава 1

В жизни Маты Хари было две вещи, создавшие ей славу, – ее танец и ее предполагаемая шпионская деятельность. Вместе и то, и другое длилось 12 лет и 7 месяцев. Когда сообщение об ее успехе танцовщицы достигло ушей ее бывшего мужа, он кратко прокомментировал его: «У нее плоскостопие, и она не умеет танцевать». Много лет спустя, когда она в возрасте тридцати восьми лет выступала на сцене его родного города, его спросили, пойдет ли он в театр. Его реакция была четкой и грубовато откровенной: «Я видел ее во всех возможных позах и мне больше не на что смотреть».

После ее смерти под стволами расстрельного взвода снова он сказал последнее слово: «Что бы она ни совершила в жизни, такого она не заслужила».

Сомнительно, что одного лишь искусства Маты Хари как танцовщицы было достаточно, чтобы ее имя стало нарицательным в английском языке. Несомненно, причиной этого была связь танца и шпионажа, сделавшая фразу «Она настоящая Мата Хари» распространенным афоризмом.

Когда Мата Хари родилась в городе Леуварден в северной нидерландской провинции Фрисланд (Фризия), никто из 27 тысяч ее земляков не мог предположить ее будущей известности. Ее днем рождения было 7 августа 1876 г. Мата Хари начала свою жизнь как обычная голландская девочка. Ее зва-

ли Маргарета Гертруда (по-голландски Геертрёйда. – *Прим. перев.*) Зелле, и она была дочкой Адама Зелле и его жены Антье, урожденной Ван дер Мёлен.

Прошлое Маты Хари долгие годы было тайной. Ее место рождения, ее родители и обстоятельства, принесшие ей славу на парижских сценах, – у всего этого было столько разных лиц, сколько было авторов, описывавших ее жизнь на бумаге. Один из них называл ее дочерью яванского принца, другой – ребенком голландского офицера и яванки. Сама Мата Хари с удовольствием добавляла к этим сказкам новые имена и географические названия. Ее талант импровизации был одновременно неистощим и поразителен. В разговоре с журналистами она развила в себе шестое чувство к эффективным историям. Ей мало было приукрашивать факты. Она не упускала ни одной возможности добавить к своим или чужим выдумкам поражающие воображение детали. Таким образом, ее жизнь превратилась в яркую и постоянно меняющуюся смесь из фактов и вымыслов.

Большей частью преобладали выдумки.

Богатство ее фантазии, уже при ее жизни украшавшее ее славу блеском и таинственностью, и после казни придавало особую изюминку всем историям о ней. С годами количество книг о Мате Хари все возрастало. Но большинство писавших о ней авторов давали абсолютную волю своей фантазии. Точно так же они не стеснялись упоминать в своих опусах истории – или выдумки – других в качестве установленных фак-

тов о личной жизни Маты Хари и об ее шпионской работе.

Одну из первых историй о позднейшей Мате Хари придумала сама Маргарета. Эта история ясно показывает, как умело уже в ранней молодости она смешивала правду и выдумку. Однажды Маргарета заявила, что ее мать – баронесса. За эту историю мы благодарны госпоже Ибельтье Керкхоф-Хоогслаг, учившейся с Маргаретой в одной школе в Леувардене. Тогда Маргарета жила в университетском городе Лейдене. Она училась на курсах воспитательниц детских садов. Соученица Маргареты привезла оттуда историю о внезапно объявившейся баронессе назад в Леуварден.

Если ее мать была баронесса, то отец, Адам Зелле, обязательно был бы бароном. Собственно, он им и был. Но только в разговорах добродушных жителей Леувардена. Они в шутку называли его бароном, посмеиваясь над его странными идеями и постоянной тягой к своему общественному признанию.

Как дочери барона, Маргарете следовало бы родиться в замке. Позднее, когда она стала уже знаменитой Матой Хари, добавилась и эта чудная подробность. Ее аристократическая колыбель, утверждала она, была в Камингхастате, старом фризском поместье. Реальность была иной. Камингхастат существует и сейчас. Это красивое здание в центре Леувардена. Его называют «Дом Амеланда». Много лет им владела семья Камингха. Но колыбелька Маты Хари была в другом доме, хотя и на той же улице. Из своей спальни она

могла каждый день видеть этот старый дом. Дворянское происхождение, дом, титул, колыбель – все это прекрасно вписывалось в бурную фантазию и Маты Хари и Маргареты Зелле.

Тем не менее отец Маргареты не был бедняком. Адам Зелле родился в 1840 году и всю свою жизнь провел в Леувардене. Он жил на Калдерсе, одной из главных улиц города, где владел шляпным магазином. Его витрины стали предметом пересудов жителей города. Он копировал самые элегантные магазины Амстердама. Отец Зелле всегда выставлял на витрину только один образец. Среди «экспонатов» постоянно были цилиндр, фетровая шляпа и котелок. Эти три шляпы были в моде в то время.

Бизнес процветал. А так как отец Зелле еще выгодно вложил свои деньги в акции нефтяной компании, то 1 января 1883 года, когда Маргарете было шесть лет, он смог купить себе дом на улице Грооте Керкстраат, 28. Это был старый патрицианский дом, еще сегодня считающийся одним из самых красивых в городе. Новый дом потребовал больше слуг. Потому наняли новую горничную. Младшим братьям Маргареты – близнецам Арии Анне и Корнелиусу Кунраду – было тогда примерно год. Кроме того, был еще третий брат, Йоханнес Хендерикус.

Улица в Леувардене

Возможно, именно благосостояние ее отца привело к тому, что в будущем Мата Хари так и не научилась жить без роскоши. Адам обожал своих четверых детей и в особенности – Маргарету. Она была единственной девочкой. Когда она была еще совсем маленькой, папа подарил ей прекрасную дорогую четырехместную тележку, которую тянули две роскошно украшенные козы. Этот подарок был особой гордостью Маргареты. Хотя ей было тогда всего шесть лет, она попала в центр всеобщего интереса и восхищения.

Маргарета была красивым ребенком. Адам Зелле послал ее учиться в школу мисс Бёйс на площади Хофплейн, напротив ратуши. Там она сидела за одной партой с детьми самых зажиточных городских буржуа. У мисс Бёйс изучался лишь один иностранный язык – французский, самый модный язык того времени. Позднее Маргарета продолжила изучение языков в средней школе для девочек на улице Грооте Хаутстрат. Там к французскому добавились немецкий и английский.

Когда через много лет Мата Хари стала изюминкой парижских салонов, никто не удивился этому больше ее самой – ведь, по сути, она всего лишь делала то, что всегда, – играла роль. Уже в школьные годы в Леувардене Маргарета Зелле любила, скажем так, драматургию. Удивлять своих друзей, видеть в себе причину всеобщего удивления и восхищения, одеваться необычно и экстравагантно – все это было важной частью самого ее существа.

Она была единственной девочкой в городе, посещавшей

школу в вызывающих, порой даже слишком смелых платьях. Однажды летом она ходила в школу в платье в красно-желтую полоску. Она вертелась и прихорашивалась перед своими соученицами, которых это поражало. Госпожа Керкхоф-Хоогслаг, бывшая подруга Маты Хари, вспоминала: «Тогда носить такие платья в школу было для девочек просто невозможно».

Впечатление, которое Маргарета производила на своих подруг, было, видимо, неизгладимым, раз об этом так живо вспоминают по прошествии больше шестидесяти лет.

После многих лет коммерческих успехов господина Зелле внезапно его имущественное положение резко ухудшилось. В 1889 году он почти стал банкротом. Это было началом распада семьи Зелле. В 1889 году Адам покинул свой родной Леуварден и отправился в Гаагу. Его жена и дети теперь вели скромный образ жизни на набережной Виллемскаде.

Но в Гааге Адама Зелле ожидали еще большие неудачи, чем в Леувардене. 31 мая 1890 года он вернулся к семье. Но ситуация изменилась. Его отношение к супруге и к Маргарете все время ухудшалось. 4 сентября 1890 года Адам и Антье Зелле развелись официально. Через восемь месяцев, 10 мая 1891 года, умерла мать. Это был полный распад семьи Зелле.

Незадолго до смерти матери, в марте 1891 года, Адам Зелле во второй раз покинул Леуварден. Он переехал в Амстердам. Маргарета оставалась в Леувардене до ноября этого года. Двенадцатого числа каждого месяца ее братья-близ-

нецы тоже приезжали в Амстердам. Маргарета тогда жила у своего крестного, некоего господина Фиссера. Тот жил в Снееке, маленьком городке неподалеку от Леувардена. Через несколько недель ее третий брат, Йоханнес Хендерикус, переехал в Франекер, где проживала семья матери.

В Снееке господин Фиссер уже подумывал о судьбе своей крестницы. Маргарете было уже пятнадцать лет. Пришло время подумать об ее будущем. Он решил отправить ее в Лейден. Там она должна была учиться на воспитательницу детского сада в единственной школе такого рода в Голландии. «Трудно себе представить более неправильное решение, – заметила по этому поводу госпожа Ибелтье Керкхоф-Хоогслаг. – Ведь при любом раскладе к этой профессии Маргарета никак не подходила». Ибелтье и ее подруги в Леувардене были уверены, что это для нее ничего не значит. Такая профессия хороша для девочек «материнского типа». Маргарета, напротив, была личностью.

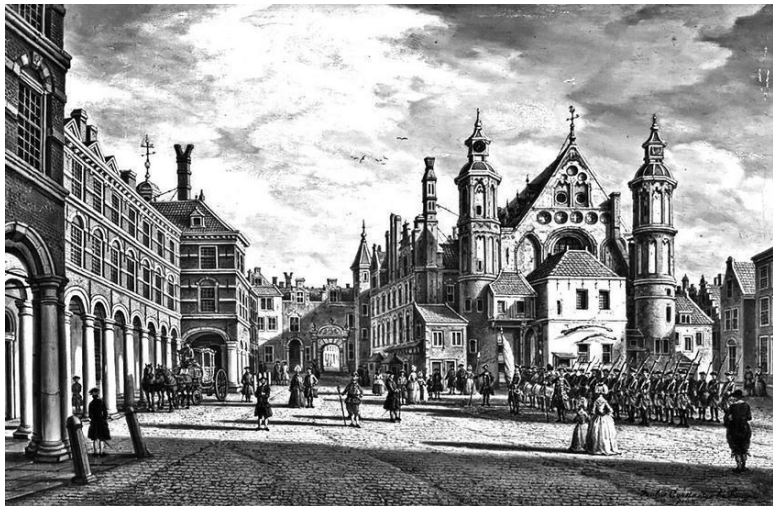
В Лейдене в нее влюбился учитель этой школы, господин Вюбрандус Хаанстра. Как протекала бы ее жизнь, если бы он не влюбился в нее? Этого никто не знает. Но достаточно ясно, что в таком случае не было бы никакой Маты Хари, а Маргарета Гертруда Зелле, возможно прожила бы уютную жизнь воспитательницы детского сада где-то между тихих голландских каналов.

Глава 2

Чтобы как можно быстрее завершить этот эпизод в Лейдене, Маргарету отослали к другому ее дяде в Гаагу, господину Таконису. Ей теперь уже было семнадцать лет, и она была такой же романтической, как и все девушки ее возраста.

В это время, в конце XIX века, Гаага была городом, в котором проводили отпуска многие офицеры голландской колониальной армии Восточной Индии (нынешней Индонезии. – *Прим. перев.*). Кроме того, близ Гааги находится знаменитый голландский морской курорт Схевенинген. А там было множество возможностей встретить молодых мужчин. Особенно в военной форме. Первая любовь ее жизни была любовь «к мундиру». Эта любовь, объясняла она много лет спустя, отчаянно защищаясь на суде, не покидала ее всю жизнь.

Но и здесь, возможно, ничего бы не произошло, если бы некий офицер колониальной армии именно 14 августа 1894 года не вернулся бы в Голландию в двухлетний отпуск по болезни. Его звали Рудольф МакЛеод. Официально он часто писал свою фамилию как Маклеод, а порой – и как Мак-Леод. Он был примерно 1,80 м ростом, крепким, с круглым лицом и длинными закрученными усами. Он был почти полностью лысым. Волосы исчезли за шестнадцать лет непрерывной службы в голландских колониальных владениях.

Гаага, вид на Зеленый рынок около Вестейнде, смотря западнее. Художник Фаргу Паулюс

МакЛеод происходил из старого шотландского рода. В начале XVIII века один из его предков перебрался в Голландию. Другой предок, бежавший во время оккупации Голландии Наполеоном в Англию, вернулся в Голландию после исчезновения французского императора с исторической сцены и остался там навсегда. Как и почти все его голландские предки, Рудольф тоже стал военным.

Дядя Рудольфа МакЛеода был генералом и адъютантом короля Вильгельма III. Этот дядя был уже стар, но все еще жив, когда его племянник вернулся из Восточной Индии.

Сын этого генерала – стало быть, двоюродный брат Рудольфа, был голландским вице-адмиралом. Фотография его напоминала о другом члене рода МакЛеодов – тоже вице-адмирале, но уже шотландце по имени Ангус МакЛеод, С. V. O.

Отца Рудольфа звали Джон Ван Бринен-МакЛеод. Он был отставным капитаном голландской пехоты. Мать Рудольфа звали Дина Луизе, баронесса Свеертс де Ландас, обедневшая дворянка. Когда Рудольф вернулся в Голландию, ему было уже 38 лет. Он родился 1 марта 1856 года.

МакЛеод сделал прекрасную военную карьеру. Уже в шестнадцать лет он пошел по стопам своего отца и вступил в армию. Через четыре года стал сержантом. В 1877 году он добрался по служебной лестнице до звания лейтенанта. Вскоре после этого, в двадцать один год, его направили в Голландскую Восточную Индию.

Сумрачная и порой тяжелая реальность колониальной армии требовала офицеров с твердым характером. Только такие могли пробиться. Начиная с двадцати одного года Рудольф МакЛеод без перерыва прослужил семнадцать лет в колонии рядом с самыми ужасными типами. Эта жизнь сформировала его и сделала твердым как сталь. Его манера разговора полностью выработалась в казарме и на плацу. Его третья жена, я встретил ее в 1932 году и много часов с ней беседовал, описывала Рудольфа как «жесткого несентиментального человека, всегда называвшего вещи своими именами».

ми, неотесанного, но честного солдата с золотым сердцем».

В мае 1890 года ему уже предоставили двухлетний отпуск. По его собственной просьбе этот отпуск несколько сдвинули. Но в 1894 году он уже не мог избежать возвращения домой. Семнадцать лет службы в колонии не прошли даром для его здоровья. Он страдал от сахарного диабета. Еще больше мучили его постоянные приступы ревматизма. Когда он 27 июня 1894 года покидал Восточную Индию, на борт парохода «Принцесса Мария» его несли на носилках.

Пока он отдыхал в Амстердаме, на восточно-индийском острове Ломбок, к востоку от Бали, началось восстание. Сообщения о боях были расплывчатыми и подвергались жесткой правительственной цензуре. Голландская пресса стремилась за непосредственной информацией. Журналист Й.Т.З. Де Балбиан Ферстер, писавший в начале 1895 года в ежедневной амстердамской газете «Ниус Ван ден Даг», попросил свою редакцию достать для него имена всех офицеров, вернувшихся из колоний. Де Балбиан Ферстер совершенно правильно предположил, что эти люди могут стать хорошим источником бесцензурной информации. Рудольф МакЛеод был одним из этих офицеров. Оба мужчины быстро сдружились.

За чашкой кофе в уютном амстердамском «Кафе Америкэн» Де Балбиан Ферстер однажды заметил, что МакЛеод не такой человек, как все. В шутку он попытался проанализировать это его состояние в разговорах с друзьями Рудольфа.

Все решили, что причина в том, что Рудольф все еще холостяк. Ему не хватало только одного – супруги. Он должен жениться. Для офицера под сорок, собирающегося вернуться в тропики, жена никак не могла быть излишней роскошью.

После одинокого и печального интермеццо с МакЛеодом в амстердамской кофейне Де Балбиан Ферстер тайно и по собственной инициативе разместил в своей газете объявление:

«Офицер из Голландской Восточной Индии, находящийся сейчас в отпуске дома, хочет познакомиться с милой девушкой с целью последующего супружества».

Возможно, вначале это объявление задумывалось просто как шутка. Как только МакЛеод узнал об этом, он, как утверждают все, строго наказал Де Балбиану Ферстеру отправлять все письма назад нераспечатанными. Однако третья супруга МакЛеода утверждала, что он все-таки открывал письма. Большая их часть была написана девушками с большим приданым. Среди них была даже дочка пастора. «Ему следовало бы жениться на деньгах, – рассказывала мне его третья жена. – Но вместо этого он взял не ту...»

У шутки Де Балбиана Ферстера были далеко идущие последствия.

Через две недели после публикации объявления поступило еще два письма. Де Балбиан Ферстер был тогда не в го-

роде. Потому редакция отправила послания прямо МакЛеоду. Одно из писем было от Маргареты Гертруды Зелле, проживавшей в Гааге. Школу она закончила. И этим холодным мартом 1895 года у нее было достаточно времени для изучения газетных объявлений.

У МакЛеода проснулся интерес. Маргарет стала к тому времени необычайно красивой девушкой. Ей хватило ума приложить к письму свою фотографию. Довольно долго МакЛеод хранил свое открытие в тайне. Де Балбиан Ферстер ничего об этом не узнал. Пока однажды Рудольф не сказал ему, что уже начал переписку с одной из откликнувшихся на объявление девушек. Девушка показалась ему «ударом». (Так рассказывал Де Балбиан Ферстер, которого я встретил в 1932 году.)

Но целью признания Рудольфа было не только проинформировать Де Балбиана Ферстера. Ему нужна была помощь или, по крайней мере, совет. Его переписка с девушкой уже достигла такого момента, что пора было назначать свидание. Но он жил в Амстердаме, а Маргарета в Гааге. МакЛеод думал, где они могли бы встретиться.

Де Балбиан Ферстер предложил в качестве удобного места встречи амстердамский Государственный музей (Rijksmuseum). Но как раз в эти дни МакЛеода сразил очередной приступ ревматизма. Уже договоренную встречу пришлось отменить. Из госпиталя Рудольф, или Джон, как его называли друзья и родственники, продолжал переписку

со своей подругой, с которой пока так ни разу не встретился лично.

Маргарета Зелле. Фотография примерно 1895 года

День, когда МакЛеод и Маргарета, наконец, встретились, оказался судьбоносным для них обоих. Вместо того чтобы рассматривать картины в музее, они рассматривали друг друга. И они произвели друг на друга приятное впечатление. МакЛеод выглядел хорошо. Особенно шел ему военный мундир. Маргарета была не против, чтобы ее называли Маргарет, но Джон постоянно называл ее не иначе, как просто Грит. Она была восхитительной юной девушкой. Веселая, с густыми черными волосами и темными глазами, она выглядела старше своего возраста. Результатом этой встречи стала любовь или физическое влечение, или и то и другое одновременно. Во всяком случае, всего через шесть дней после этой первой встречи, 13 мая 1895 года, они обручились.

Грит осталась в доме своего дяди в Гааге. Время от времени она ездила оттуда к своему возлюбленному. В это время Джона снова мучил ревматизм, который сорвал несколько встреч с Грит. Этот приступ был настолько силен, что он даже не мог сам ей писать. Он попросил об этом свою сестру, с которой жил. Грит отвечала милыми любовными письмами из Гааги, написанными четким почерком влюбленной восемнадцатилетней девочки.

«Мой дорогой Джонни, – писала она однажды в среду вечером в 1895 году. – О, дорогой, мне так жаль тебя, и я так печальна, что наши планы снова сорвались. Все плохое про-

исходит одновременно, не кажется ли тебе? Не огорчайся, дорогой. Надеюсь, что ты забудешь все твои болезни, как только я приеду навестить тебя в воскресенье.

Неужели тебе было так больно, что ты даже не мог писать сам? Я думаю, что да, иначе ты бы это сделал. Ты думаешь, что в воскресенье уже сможешь ходить? Я очень на это надеюсь, мое сокровище, но только не перенапрягайся. Да, сначала мне было очень грустно, но потом я посмотрела на все это с другой, положительной стороны, потому что если я тут и чувствую себя плохо, то чем это тебе поможет?

Луиза писала мне: „Я надеюсь, что вы оба очень заинтересованы, чтобы через пару недель в ратуше все засияло ярким солнечным светом“. Ну, я тоже на это надеюсь. А ты, Джон? Будь храбрым и послушным, и это поможет тебе. Твоя маленькая жена всегда придерживается этого. Если я этого не делала бы, моя радость жизни давно бы меня покинула. Ты меня ждешь в воскресенье?

Если только это будет возможно, пиши мне и дай знать, как у тебя дела. Подари мне твой любимый поцелуй и представь себе, что я с тобой. Именно об этом я все время мечтаю.

Вот так, Джонни, теперь я с тобой прощаюсь с самым сердечным поцелуем от твоей очень любящей тебя жены – Греты».

Между обручением и свадьбой прошло не много времени. 11 июля 1895 года, через три месяца после их первой встре-

чи, Маргарета Гертруда Зелле стала госпожой МакЛеод. Ее мужу было тридцать девять лет, Маргарете еще не было девятнадцати.

Последние дни перед свадьбой прошли не очень гладко. Невесту тщательно проверяли. Кроме того, была попытка все это приостановить. Внезапный визит грозил сорвать намеченное мероприятие или как минимум перенести его на более поздний срок.

В военной семье Джона никто не мог вступать в брак без официального благословения его дяди, старого отставного генерала. Хотя Джон уже сам был военным ветераном, прослужившим в армии немало лет, ему пришлось подчиниться этой семейной традиции. Он послушно привел свою невесту к главе голландского семейного клана. Джон надеялся, что она выдержит испытание.

Дядюшка Норманн молча осматривал нового потенциального члена семьи. Он пробормотал пару слов. Некоторое время ситуация была напряженной. Но, присмотревшись, старый солдат все же одобрил выбор своего племянника.

– Молода, но выглядит хорошо, – повторял он. – Чертовски хорошо!

Грит выдержала экзамен. Первый барьер был преодолен. Преодолены были и трудности внутри семьи МакЛеод. Но, к сожалению, в семье Зелле был один член, о котором пока никто не упоминал. Джона ожидал сюрприз.

Однажды Грит сказала, что у нее есть отец. Если верить

третьей жене МакЛеода, тот ответил, что «такое, мол, бывает в лучших семьях». Тут Грит драматично заявила:

– Но он жив!

Существование отца Зелле держалось в секрете. Грит рассказывала своему жениху, что она сирота. Но когда день свадьбы неумолимо приблизился, Грит понадобился отец – или, по меньшей мере, его согласие. Как несовершеннолетняя она не могла выходить замуж без его согласия, если, конечно, она не могла предъявить свидетельства об его смерти. Но папа Зелле все еще был жив и проживал со своей второй женой в одном из бедных районов Амстердама, на улице Ланге Лейдсхедварсстраат, 148.

Джон был не в восторге от предстоящей встречи с этим внезапно возникшим тестем. Он был офицером из благородной семьи. А господин Зелле был обанкротившимся торговцем, живущим в бедняцком квартале. Потому он совсем не был заинтересован в знакомстве с родней Грит.

Но Джон был влюблен. Потому такого знакомства нельзя было избежать. Он же планировал свою свадьбу с уверенностью и с радостью.

В таких обстоятельствах Маргарета осторожно сблизилась с отцом. Она хотела выяснить, на каких условиях он согласился бы с ее замужеством. Папа Зелле потребовал визита пары к себе. У него, как-никак, было право познакомиться с будущим зятем.

Это посещение в его бедном доме стало днем гордости

для пятидесятипятилетнего отца. Он настоял на том, чтобы они приехали к нему в большой карете, а не просто в экипаже. Карета с прекрасными лошадьми была сенсацией для маленькой улицы. Адам Зелле дал свое родительское благословение. Его тут же пригласили на следующий день в ратушу, где его присутствие было просто необходимо по закону.

Еще утром перед свадьбой сестра Джона Фрида – в семье ее называли «тетушка Лавис» (семейное произношение имени «Луиза»), попробовала в последний раз отговорить брата от этой затеи, которую считала роковой ошибкой.

– Джонни, – сказала она, как это было мне передано потом Гритье Мейерс-МакЛеод, – Джонни, оставь это.

Но Джонни не хотел это оставлять. В сопровождении своей ошеломляюще красивой невесты он покинул жилище сестры, чтобы высказать те серьезные слова, которые его окончательно связали. Праздник в ратуше был тихим. Все соседи папы Зелле собрались на тротуаре вдоль канала. Громкими криками приветствовали они новобрачных, старавшихся как можно быстрее проникнуть в их любимое «Кафе Америкэн». Там их ожидал свадебный ужин. Отец невесты в нем не участвовал. Злые языки твердили, что Джон попросил кучера как можно быстрее увезти тестя в другой квартал города и высадить там.

Свадебное путешествие привело юную пару в Висбаден. В то время этот город был уже знаменит не меньше, чем сейчас. Он и позднее проявится в сказках Маты Хари о сво-

ей молодости. В Висбадене, похоже, Джон МакЛеод впервые почувствовал, что ожидает его после женитьбы на такой молодой и красивой девушке. Город был полон молодых, важничающих офицеров. Они не могли сдержаться, чтобы не засвидетельствовать свое внимание молодой красивой голландке громкими, не скрываемыми замечаниями. Он подошел к ним, «молодым зеленым молокососам», как он их называл, и сказал:

– Господа, эта дама моя жена.

Потом взял Грит за руку и вышел с ней.

Вернувшись в Голландию, Джон совершил свою первую ошибку в браке. Он воспользовался гостеприимством сестры и жил со своей женой на набережной Лейдсхекаде, 79, совсем близко к «Кафе Америкэн». Тетушка Лавис была замужем за нотариусом Вольсинком в маленьком городке Лопперсюм, но уже успела овдоветь. Все эти годы она жила далеко от брата, но они по-прежнему испытывали друг к другу чувство искренней привязанности. А к Маргарете она с самого начала относилась без благосклонности.

Конечно, для молодоженов было дешевле жить у родственников, чем оплачивать собственное жилье. Но напряженные взаимоотношения обеих женщин и продление отпуска МакЛеода привело их к решению переехать.

Самым большим впечатлением этих медовых месяцев в Голландии стал для Маргареты прием у правящей королевы Эммы, матери королевы Вильгельмины, в королевском

дворце. Для этого случая молодая дама надела длинное желтое свадебное платье. К гордости ее мужа она со своей смуглой кожей и темными волосами стала в определенном смысле украшением вечера.

Первые тучки на счастливом семейном небосводе немногочисленные близкие друзья семьи МакЛеод заметили почти сразу после свадьбы. Госпожа Ф., жена врача, познакомилась с Джоном в 1894 году, сразу после его возвращения из Восточной Индии. Он привез ей привет от ее сына, который тоже служил на Востоке. Когда она познакомилась и с Маргаретой вскоре после обручения, то уже тогда у нее возникло сомнение в долговечности брака.

Потом Маргарета показала госпоже Ф. «молодой женщиной с лучшими намерениями, очень страдавшей от наплевательского отношения и грубых манер ее мужа, проявившихся сразу после возвращения из свадебного путешествия».

Это впечатление госпожи Ф., пожалуй, справедливо. Джон МакЛеод, который намного позже, уже в браке с Гретье Мейер, очень изменился в лучшую сторону, в девятых годах вел обычную жизнь грубого неотесанного колониального офицера. Его первое супружество не изменило этих привычек за одну ночь. Оно не уменьшило и его тяги к другим женщинам. Это подтвердил в разговоре со мной и Де Балбиан Ферстер.

В марте и снова в сентябре 1896 года отпуск Джона про-

длевали снова на шесть месяцев. Это произошло прежде всего по причине его здоровья, но другой причиной была беременность его жены. 30 января 1897 года Маргарета родила сына. Его назвали Норманн Джон, в честь дедушки по отцовской линии, Джона ван Дринена МакЛеода и знаменитого дядюшки отставного генерала Норманна.

Спустя всего несколько месяцев, 1 мая, семья МакЛеод на корабле «Принцесса Амалия» отправилась в Голландскую Восточную Индию. Отъезд поднял настроение Маргареты. Это путешествие было для нее настоящим приключением. Она отправлялась туда, чтобы узнать новую страну и встретиться с новыми людьми. Магия тропиков возбуждала ее. Ей было только двадцать, ее мужу уже сорок один год. Опасная разница в возрасте для пары, отправлявшейся в мир, где белых женщин было мало, а красивые белые женщины были абсолютной редкостью.

МакЛеоды некоторое время прожили в Амбараве, деревеньке к югу от Семаранга, в центре Явы. Потом Джона перевели в Тумпунг, вблизи Маланга, на восточном побережье большого острова. Этот перевод означал значительное улучшение их жизни. Маланг был город, где проживало много европейцев, и поэтому было много развлечений для европейцев.

Около года семья прожила в Тумпунге. За это время, 2 мая 1898 г., у них родился второй ребенок. Это была девочка, которую назвали Жанна-Луиза, в честь «тетушки Лавис».

Но МакЛеоды называли ее просто Нон. Это было распространенным сокращением малайского слова «нонах», что означает «молоденькая девочка».

Дни в Тумпунге не были, однако, для пары счастливыми. Семейные трудности, впервые проявившиеся еще в Голландии, под жарким солнцем тропиков еще больше обострились. Грит потому стало сразу легче, когда ее муж 21 декабря 1898 года получил приказ об его переводе в Медан, город на южном побережье Суматры, напротив Малайи, на берегу Малаккского пролива. Временная разлука – МакЛеод должен был немедленно прибыть к новому месту службы, а семье следовало переехать немного позже, дала ей возможность немного передохнуть от ежедневных споров и неприятных ситуаций.

В своем обычном грубоватом и прямом стиле МакЛеод нашел для дальнейшего пребывания своей жены и детей в Тумпунге очень простое решение. Однажды утром он на коне прискакал к дому командира гарнизона господина ван Рееде и, не слезая с коня, сказал ему, что он должен немедленно выехать к новому месту службы. (Историю мне рассказала жена ван Рееде.) Этот факт был уже известен в маленьком поселке.

– Моя жена и дети через пару часов переедут к вам, чтобы немного пожить у вас, пока я подготовлю все для их переезда ко мне в Медан. Вы же не будете против, не так ли?

После того, как Маргарета и дети временно устроились

в доме семьи ван Реде, от Джона МакЛеода – если верить госпоже ван Реде – не поступало никаких известий. Он не присылал и деньги для их переезда с Явы на Суматру. По рассказу госпожи ван Реде, ситуация начинала всех беспокоить. Но этот рассказ госпожи ван Реде правдив лишь отчасти, как удалось мне выяснить впоследствии. Верно, что Джон МакЛеод долго не высылал денег, но письма жене он писал регулярно. Он писал очень много и всегда делал вручную копию с каждого своего письма, каким бы длинным оно не было.

28 марта Джон написал Грит письмо, в котором подробно описал город Медан и все события в его маленькой общине. С даром журналиста – позднее он успешно писал для нескольких газет ради подработки к своей скромной офицерской пенсии – он писал страницу за страницей, передавая своей жене впечатления от города, в котором ей придется жить.

Так как Маргарета поселилась у ван Реде (где она, как все местные голландки того времени, носила саронг и кабию – индонезийские юбку и блузку), то хозяйева дома могли хорошо ее изучить. Будущая Мата Хари проявила себя интеллигентным и милым человеком.

– Возможно, она была чуть-чуть фривольной, – говорила госпожа ван Реде, – но для такой молодой женщины в этом не было ничего необычного.

Во все эти годы главной заботой Джона оставались деньги.

Финансовые трудности оставляли его очень редко. В том же письме от 24 апреля 1899 года, где он жалуется на то, что давно не получал от нее писем, Джон упоминает и эту свою заботу:

«Что еще меня волнует, так это то, что у нас никогда не было удачи в денежных делах. Как часто эта постоянная нехватка средств заставляла нас совершать неприятные поступки».

В этом письме Джон МакЛеод коснулся еще одной темы, беспокоившей его. Уже одно замечание жены вызвало его ревность:

«Кто такой этот флотский лейтенант, о котором ты пишешь, что он фотографировал наших детей? И как получилось так, что это произошло в Тумпунге? Ты, Грит, никогда не объясняешь мне таких вещей. Ты же можешь подумать, что я тоже задумаюсь, прочитав что-то подобное. Итак – кто он такой? И как он попал в Тумпунг? Это странно – ты так легко перепрыгнула от матросского костюмчика Яна Пика и нашей нежной Флэйт (Ян Пик и Флэйт – ласкательные имена детей МакЛеодов) к этому лейтенанту, а потом не пишешь о нем ни одного слова! Пик очень любит свою младшую сестру? Это постоянное желание поцелуев он, несомненно, перенял от тебя!»

Потом он коснулся темы, в значительной степени повлиявшей на разрыв их семейных отношений:

«Да, Грит, пожалуйста, постарайся понять: когда я сви-

репствую и ругаюсь, это происходит прежде всего потому, что я забочусь о детях. Потому не забывай – наши характеры совершенно разные!»

Такой интерес Джона к этому лейтенанту позволяет предположить, что он был одновременно ревнив и уже испытывал какие-то подозрения. Подозрения и ревность все сближались. В этом нет ничего необычного для брака, в котором муж настолько старше жены, что мог бы быть ее отцом.

Возможно, в этом и была причина ревности Джона, ведь со временем Маргарета становилась все привлекательнее. Каждую субботу на клубных вечерах (это было единственное развлечение в Восточной Индии) Маргарету постоянно окружал рой холостых офицеров и молодых поселенцев, оказывающих красивой госпоже МакЛеод все возможные знаки внимания. Даже женатые мужчины, знаменитые своими «временными браками» в ходе поездок с Запада на Восток, не отказывали себе во флирте с Маргаретой.

Наконец Джон собрал достаточно денег, чтобы его семья переехала к нему. 14 мая он дал жене последние инструкции перед переселением. Он очень четко описал, что ее ожидает на новом месте.

Маргарита (сидит первая слева) и Рудольф МакЛеод (стоит второй справа). 1897 год

«Я очень рад твоему письму от 25 апреля, где ты пишешь о болезни детей. Здесь для тебя, Грит, будет очень много работы, потому что в этих домах просто опасно жить, если не соблюдать абсолютной чистоты. Если не мыть постоянно пол, не сдвигать горшки с цветами и не смолить крышу, тут заведется множество насекомых. Вчерашней ночью я увидел скорпиона, такого большого, что мне еще не доводилось ви-

дети. Хотя его укус редко бывает смертельным, но он приводит к жару и особенно опасен для детей. Потому ты *лично* будешь проверять все помещения, чистить кровати детей и проверять ящики с цветами. Я рад, что прочел в твоём письме, насколько серьёзно ты воспринимаешь свою ответственность за детей и как сильно ты их любишь».

Маргарита и Рудольф МакЛеод. 1897 год

В Медане МакЛеод стал командиром гарнизона. В этом качестве он превратился в важную персону в голландской общине. Как самый высокопоставленный нидерландский офицер в городе, он порой обязан был даже давать официальные приемы. Конечно, Грит любила такие мероприятия, где она могла блистать в качестве супруги коменданта. Как рассказывала мне третья жена МакЛеода, Джону это доставляло дополнительные хлопоты. МакЛеод заказывал для жены платья из Амстердама. Маргарета чувствовала себя королевой – и вела себя соответственно.

Мелкие ревности, особенно в маленьких гарнизонах в тропиках, повсюду одинаковы. Поведение Грит заставляло майора злиться и постоянно ставило его в неприятное положение.

Но семейные взаимоотношения МакЛеодов в Медане были плохи и без этих случаев. Только одно внезапное трагическое событие, казалось, сблизило супругов. По крайней мере, ненадолго. 27 июня 1899 года в возрасте двух с половиной лет умер их сын Норманн. Он и его младшая сестра были отравлены. Лишь благодаря усилиям доктора-голландца девочка, Нон, выжила.

О причине отравления в Медане циркулировали две разные версии. По одной, МакЛеод ударил солдата-аборигена, влюбленного в няньку, ухаживающую за детьми. Та из мести

отравила детей. Другая версия касалась уже семейной жизни МакЛеодов и потому кажется мне менее вероятной. Рассказывали, что Джон сам с успехом добивался любви этой няньки, потому детей отравил из ревности ее любовник-индонезиец.

Но что бы ни было причиной трагедии – некоторое время казалось, что смерть мальчика вернет спокойствие и счастье в семью. Но улучшение было непродолжительным. МакЛеод очень любил сына. Его смерть была для него ужасным шоком. Его быстро меняющийся темперамент, правда, не позволил ему долго скорбеть. Но теперь он обвинял в смерти сына свою жену. Семейные отношения стали еще хуже, чем прежде. К тому времени МакЛеода перевели назад на Яву. В этом новом переводе МакЛеод обвинял своего начальника, генерала Диеса. МакЛеод считал, что неприязнь генерала к нему была причиной и того, что МакЛеод так и не стал подполковником.

В этот раз МакЛеоды переехали в Банджу Биру. По прибытии туда Маргарета поняла, что единственным решением для нее был бы развод. Но пока они жили в тропиках, развод был сопряжен с большими трудностями, не в последнюю очередь – с финансовыми. В середине марта 1900 года Грит свалил приступ тифа. Пока она выздоравливала, Джон написал своему двоюродному брату в Гаагу письмо на двадцати четырех страницах и, как всегда, вручную сделал с него полную копию. В нем он долго и подробно описывал полити-

ческую и военную ситуацию в Восточной Индии, затем разнообразные личные проблемы, а также посвятил несколько страниц своей жене и единственному оставшемуся ребенку.

«Два с половиной месяца назад Грит заболела тифом. Ее положение становилось все хуже, – писал он 31 мая. – Збота о маленькой девочке легла на меня. Наше положение было полным убожеством. Десять дней назад Грит наконец-то смогла встать на ноги. Теперь для восстановления здоровья она уехала на кофейную плантацию Крувук, близ Улинги. Достаточно сказать тебе, что нам в день нужно пять бутылок молока, а каждая стоит 30 центов, и ты поймешь, какие тяжелые последствия для наших финансов имела ее болезнь... А потом еще путешествие в Улинги. Малышку я оставил здесь у себя. Она чудный ребенок, но она постоянно напоминает мне о моем мертвом любимом сыне.

Дорогой кузен, потеря этого прекрасного маленького мальчика сломала что-то во мне, что навсегда останется сломанным. Он любил военную музыку, особенно „Марш Монте-Карло“. И теперь каждый раз, когда его играют, я чувствую боль в моей груди, а мои глаза горят».

Маргарита МакЛеод. Голландская Ост-Индия. 1900 год

Став в 1897 году майором, а затем достигнув уже сорока-четырехлетнего возраста, 2 октября 1900 года Джон принял решение уйти в отставку. Долгие и тяжелые годы в тропиках оставили свой след. Он был солдатом двадцать восемь лет. Это обеспечивало ему право на военную пенсию в 2800 гульденов. Негармоничная пара переехала в Синданглаю, городок между Бёйтензоргом (нынешним Богором) и Бандунгом. Там был здоровый горный климат, а жизнь сравнительно дешевая. В любом случае намного дешевле, нежели в Голландии. Это и было главной причиной, почему Джон остался в тропиках. Но ни хороший климат, ни пенсия мужа не могли отвлечь Маргарету от ее постоянного желания вернуться в Амстердам. Пенсия, наоборот, стала даже стимулом. Ей ситуация, в которой она оказалась, никак не могла представляться привлекательной. Маргарете было всего 24 года, а жить приходилось в маленькой деревушке в Восточной Индии. Не было денег, чтобы хоть как-то выбраться оттуда. Оставалось лишь жить с мужчиной намного старше себя, которого она уже не могла терпеть.

Всем, знавшим МакЛеодов в то время, было понятно, что отношения между супругами стали невыносимыми. Не было ни одного дня без ссоры. Настроение достигло точки кипения. Не прекращались горькие упреки. Они становились все громче.

Доктор Рульфсема, который был военным врачом с марта 1900 по июнь 1902 года в той части колоний, где жили МакЛеоды, описал только одну из неприятных сцен, пережитую им в доме МакЛеодов в Синданглайе.

Однажды, вспоминал доктор, Грит снова завела разговор о Европе и о Париже.

Беседа принимала все более общий характер. Но МакЛеод разнервничался. Наконец он уже не мог сдержаться.

Он зарычал на свою жену:

– Черт побери! Если тебе так хочется уехать в Париж, то почему же ты ничего для этого не делаешь, не уедешь и не оставишь меня одного?

Париж вообще занимал особое место в воображении Маргареты. Намного позже, когда она уже стала знаменитой женщиной, во время интервью в Вене ее спросили, почему она поехала в Париж, а не в какое-то иное место.

Мата Хари с невинным удивлением подняла брови.

– Я не знаю, – сказала она, – но думаю, что все прожженные женщины направляются в Париж.

Очевидно, даже МакЛеод согласился, что в таких обстоятельствах она не сможет больше жить в колониях. В марте 1902 года он поддался, наконец, требованиям Грит и вернулся в Голландию. Домой они путешествовали на грузовом пароходе. Обстоятельства принуждали Джона все сильнее экономить деньги. Он переехал снова к своей сестре, тетушке Лавис. Как и прежде, обе женщины не выносили друг друга.

Потому МакЛеоды сняли себе жилье в Амстердаме, на улице ван Бреестраат, 198, в достаточно зажиточном районе.

Однажды вечером Маргарета вернулась домой и увидела, что их общее жилище пусто. Джон внезапно переехал к другу в Фельп близ Арнема. Он взял с собой дочку Нон, который было четыре с половиной года. Маргарета недолго раздумывала и почти сразу же отправилась в Арнем. Там она поселилась в доме одного из многочисленных кузенов Джона. 27 августа 1902 года Маргарета подала официальное прошение о так называемом временном расторжении брака (при котором супруги живут отдельно, но еще не имеют статуса полностью разведенных). Через три дня суд города Амстердам удовлетворил ее просьбу. Его решение было без ограничений в пользу жены. Дочь осталась с матерью, МакЛеод обязан был выплачивать ей 100 гульденов в месяц в качестве алиментов. Когда 10 сентября пришел срок первого платежа, МакЛеод вдруг заявил, что у него нет денег. И он не платил ей ничего ни тогда, ни позже.

Некоторое время Маргарета оставалась в Амстердаме. Потом она переехала к своему дяде Таконису в Гаагу. Но в Голландии ее ожидало тяжелое будущее. Она никогда не работала. И было трудно найти для нее подходящую профессию. Кроме того, у нее не было денег. Дочку Нон она временно отправила к Джону. МакЛеод хотя и не был любящим мужем, но был зато прекрасным отцом. Он никогда не вернул Нон матери. Но для Маргареты это было вполне удоб-

ным решением. Оно дало ей большую свободу и смягчило финансовые проблемы.

Она не нашла работу ни в Амстердаме, ни в Гааге. А фантазии ее по-прежнему вращались вокруг Парижа. За исключением короткого путешествия в Висбаден и долгого путешествия на борту голландского парохода на Восток и назад она еще никогда не была за границей. На пути в Индию она посетила Танжер, Геную и Порт-Саид, где обычно останавливался пароход. Но все путешественники были голландцами. Кроме лет, проведенных в Восточной Индии, где ее окружали, однако, тоже голландцы, она никогда не жила за рубежом. Почему бы не поехать в Париж? Эта мысль захватила ее целиком.

Глава 3

Первое путешествие Маргареты в Париж было не просто разочарованием – оно завершилось катастрофой. Во Францию она приехала без единого су. Она решила зарабатывать на жизнь натурщицей. Но эта работа не приносила ни удовольствия, ни перспектив, и денег за нее платили мало. Париж не оказался решением всех проблем. Разочарованная Маргарета МакЛеод вернулась на родину.

Неделю она прожила у дяди своего мужа в Нимвегене. Когда Джон узнал об этом, то сразу заявил протест. Потому дяде пришлось попросить ее уехать. У нее не было друзей, к которым она могла бы обратиться, не было денег на жизнь и не было никакой финансовой помощи от мужа. И в такой ситуации она снова подумала о Париже.

Фризов считают самыми упрямыми из всех голландцев. Как она сама рассказывала репортерам год спустя, «у меня в кошельке было полфранка, и я сразу пошла в Гранд-Отель».

Что же делать?

Если верить одному из журналистов, то она якобы рассказывала ему, что «не было никого, кто бы мне помог». Попробовать снова ремесло натурщицы? Студии художников оказались не слишком привлекательными. Ночные клубы? Еще был театр «Фоли Бержер», где всегда требовались красивые девочки. Там ей понадобится танцевать. Но она еще нико-

гда в жизни не танцевала на сцене. Тем не менее она решила заняться танцами. Но стимул к этому дал ей месье Молье, владелец знаменитой школы верховой езды на Рю Бенувилль в Париже, который и сам был знаменитым наездником. Первую работу Маргарета нашла у него. Обращаться с лошадьми она научилась еще в Восточной Индии. Месье Молье был уверен, что такое тело, как у нее, в танцах будет иметь больше успеха, чем в работе с лошадьми.

Но как ей танцевать? Кроме вальсов и кадрилей, которые танцевала в восточно-индийских клубах, и уроков танцев в детстве в Леувардене, у нее не было никакого опыта. Во время Первой мировой войны Маргарета сказала одному из своих друзей в Гааге, голландскому художнику Питу ван дер Хему, который потом передал мне эту историю:

– Я никогда не умела хорошо танцевать. Люди приходили посмотреть на мои выступления только потому, что я осмелилась показать себя на публике без одежды.

Но Маргарета к этому времени уже хорошо знала, что она красива или, по меньшей мере, привлекательна. Опыт показывал, что она нравится мужчинам. Она умела демонстрировать свой шарм. Многие танцовщицы начинали с еще меньшего. Она довольно хорошо говорила на малайском языке и видела на Яве и Суматре танцы аборигенов. Но на этом ее способности исчерпывались. Те сказки, которые она рассказывала (а потом вслед за ней повторяли другие), – что она, мол, изучала священные танцы в буддистских храмах на

Дальнем Востоке – полная чепуха. Маргарета была Никто, но она была хитра. Она поставила на карту все – и выиграла.

Конечно, та, что позднее назвала себя Мата Хари, не могла не попасть в Париж в самый благоприятный момент, чтобы произвести своими танцевальными новациями впечатление на тамошнее общество, жаждущее развлечений. Год 1905 был апогеем «прекрасной эпохи». Париж жаждал необузданных удовольствий, жизни, полной легкомыслия и очарования. Это был Париж, в котором мужья говорили комплименты своим затянутым в корсеты женам и в то же время успевали ухаживать за женами других мужей. Радость от жизни и благосостояния часто была единственным побудительным мотивом, чтобы перемещаться от одного салона к другому, от одной удобной и со вкусом обставленной спальни к другой. В таких условиях Маргарета расцвела как спелый бутон под солнцем. Она росла, открывала себя миру и расцветала. Дебют Маргареты как восточной танцовщицы состоялся в салоне мадам Киреевской, певицы, занимавшейся организацией благотворительных вечеров. Она сразу же имела успех. Уже 4 февраля 1905 года английский еженедельник «Кинг» опубликовал о ней восторженную статью. Автор утверждал, что «собрал слухи о женщине с Дальнего Востока, приехавшей в драгоценностях и духах в Европу, чтобы внести струю богатства восточных красок и восточной жизни в пресыщенное общество европейских городов». Те же слухи сообщали о сценических представлениях, на кото-

рых «покрывала поднимаются и падают». Репортер считал, что представление вроде этого в частном салоне было в самом крайнем случае «лишь с дымкой непристойности».

Мата Хари. 1905 год

Мата Хари исполняет брахманические танцы в библиотеке парижского Музея Гиме. 13 марта 1905 года

После дальнейших представлений в других парижских салонах Маргарета в начале февраля танцевала на 45-м празднике «Dineur de Faveur» (Общества благотворительных обедов). Тогда ее имя впервые было написано как «Леди МакLeod». Мата Хари еще не родилась. Но газета «Курье Франсэз» уже успела высказать предположение, что «эта неизвестная танцовщица из далеких стран – необычная личность. Когда она не движется, она завораживает, а когда танцует – ее обволакивает еще большая таинственность».

На представлении у мадам Киреевской один из посетителей особенно заинтересовался Маргаретой. Месье Эмиль Гиме. Он был промышленником и знаменитым коллекционером. Чтобы разместить свою частную коллекцию, он построил музей восточного искусства на площади Иены в Париже. Он считался экспертом по восточным культурам. Но был ли он им на самом деле? Во всяком случае, одно несомненно – и он сам, и его директор, месье Миллуэ, были совершенно очарованы голландской танцовщицей. Месье Гиме тут же взбрела в голову идея пригласить своих друзей на особое представление ее по-настоящему восточного жанра искусства. И снова случай изменил жизнь Маргареты.

Но разве мог месье Гиме представить своей публике восточную танцовщицу с совершенно неазиатским именем

Маргарета Гертруда Зелле? Даже во французском произношении это имя звучало несколько сомнительно. А леди МакЛеод? Тут тоже никто бы не поверил. Нужно было подобрать новое имя. После долгого обсуждения обоих имя Маргареты Зелле исчезло в забвении, а на сцене появилась Мата Хари.

Тем не менее и «Мата Хари» было странным именем для танцовщицы из Индии, откуда она прибыла – по мнению месье Гиме. Во всяком случае, владелец музея восточного искусства далеко не был тем знатоком, каковым считался. Он предпринял как-то путешествие в Японию и привез оттуда первые в Европе и вызвавшие большой интерес гравюры. Он был в Египте и нескольких странах на Среднем Востоке, откуда вернулся с интересной коллекцией. Но восточные языки он не знал. Иначе он догадался бы, что имя «Мата Хари» происходит не из хинди, а из малайского языка. Но в Париже все равно не было человека, который знал бы это лучше или кого этот факт заинтересовал бы. Индия – Голландская Восточная Индия – не одно ли и то же? И то, и другое было где-то далеко на Востоке. Мате Хари самой было все равно. Как по ней, то она могла бы стать и индуской, и сиамоккой, и китайяноккой, и лаоской, лишь бы звучало «по-восточному». *Мата Хари* – звучит так таинственно. А в данных обстоятельствах только это и имело значение. Но она сама наверняка знала, что «мата» означает «глаз», а «хари» – «день», то есть на самом обычном разговорном малайском языке «Мата Хари»

означает «Око дня», а проще – «солнце».

Но имя подошло наилучшим образом. 13 марта 1905 года стало поворотным днем в жизни Маргареты. До приезда в Париж она лишь один раз была на сцене. В клубном спектакле в Маланге на Яве она сыграла королеву в музыкальной постановке пьесы «Крестоносцы». И уже тогда, по мнению репортера местной еженедельной газеты, «зрителям было трудно не восхититься этой элегантной актрисой-любительницей».

Но тогда, в 1899 году, успех представления был кратковременным. А здесь в Париже неизвестная девушка из Леувардена вдруг стояла на сцене в роли восточной танцовщицы. За одну ночь она стала сенсацией, о которой говорил весь Париж. Красивая молодая женщина из Голландии добилась успеха, который считал запретным ее отец, столь страстно стремившийся к элегантности. Она оказалась в центре мира, который обожал ее, поклонялся, завидовал ей – и в конце концов ее убил.

Месье Гиме немало сделал для своей новой актрисы. Второй этаж круглого здания музея, на котором находилась библиотека, превратился в индийский храм. Восемь колонн в нем были украшены цветами, достигавшими круглого балкона третьего этажа. С каждой колонны на обнаженную Мата Хари с завистью нимф смотрели статуи с неприкрытыми бюстами. Свет свечей усиливал таинственность атмосферы. Одна из самых дорогих статуй из коллекции месье Гиме – че-

тырехрукий Шива происхождением из Южной Индии одиннадцатого века, трех футов высотой, окруженный кольцом из горящих свечей, топтал своей бронзовой пяткой карлика – была окутана живописным светом, создаваемым лучами прожекторов, установленных на потолке. Тщательно подобранная маленькая группа гостей (библиотека была диаметром всего в 7,5–9 метров) могла видеть восточную танцовщицу достаточно хорошо с любого направления. В перерывах невидимый оркестр играл музыку, вдохновенную «индусскими мотивами и яванскими мелодиями».

Новая баядерка Мата Хари была одета в костюм из коллекции месье Гиме, который вполне мог считаться по-настоящему восточным. Она была окружена четырьмя девушками в черных тогах, на ней был белый хлопковый бюстгальтер с орнаментом на груди, вызывающим ассоциации с Индией. Ее руки украшали подходящие по стилю браслеты. На голове была индийская диадема, охватывающая завязанные в косы «по-испански» черные волосы. Блестящие ленты охватывали ее талию. Они придерживали саронг, который скрывал ее тело ниже пупка и спускался чуть ниже середины бедер. Все остальное было открытым. Этот костюм возбуждал. Месье Гиме был глубоко впечатлен.

Газетные критики захлебывались хвалебными речами. Они единогласно пели славу «женщине с Востока», восхищались ее знанием священных танцев и совершенством их исполнения.

Вскоре Париж лежал у ее ног, приносил цветы к ее двери, осыпал ее тонкие руки драгоценностями – и Мата Хари заключила город, включая его многочисленных мужчин, в свои объятия.

Мате Хари льстило все, что с ней происходило. В начале блистательной карьеры она сама, однако, была озадачена своей хитростью, ведь кто мог знать лучше ее самой, что Париж оказалось возможным завоевать просто имитацией псевдовосточных танцев.

Все письма, все похвалы критиков, все ее фотографии она аккуратно клеивала в альбомы. Эти тома – полноценная документация всей ее карьеры танцовщицы.

Среди прочего в них есть уже упомянутые мною письма и визитки Массне и Пуччини. В них хранятся фотографии, показывающие ее на скачках или на иных публичных мероприятиях. Там есть восхищенные письма от самых знаменитых в то время персон из парижского высшего света. Рука об руку с признанием к ней пришли деньги и роскошь. У нее всегда было много поклонников. Многие из них стали и ее любовниками.

Очарование, излучаемое ею, лучше всего, видимо, передает стихотворение, которое посвятил ей один из многочисленных ее воздыхателей того времени:

Шиве

Когда она перед твоим алтарем сбросила свои покрывала
и склонила перед тобой свое притягательное

обнаженное тело,

Шива, великий бог, неужели в тебе не пылает
непреодолимое желание, пробуждаемое ее красотой?

Не торопишься ли ты прижать свой рот к ее цветущим
губам?

Не томит ли тебя желание приблизить

к себе ее полное страсти тело?

Дабы насладиться любовью?

Эти стихи содержат значительную часть секрета успехов Маты Хари. Под покрывалом искусства она погружала публику в головокружительное эротичное очарование. Само ее выступление было, по сути, очень рискованным предприятием. Неудивительно, что ее приглашали снова и снова. Был и другой важный фактор – она прекрасно знала, как следует вести себя в цивилизованном обществе. Она не была простой танцовщицей варьете, предоставленной после выступления самой себе. А она, и будучи одетой, превосходно вращалась среди гостей со всем своим приличием и грацией.

Первая газетная вырезка, которую Мата Хари наклеила в свой альбом после дебюта, была страницей из «Ла Ви Пари-

зьен» («Парижская жизнь»). Здесь ее еще называли «леди МакЛеод», «она же Мата Хари, индийская танцовщица. Полная желаний и трагичная, она выступает совсем обнаженной в самых знаменитых салонах нашего города. На ней костюм баядерки. Он открывает ее тело, как только это возможно. В завершение своих танцев она сбрасывает даже малые остатки этого костюма».

Но как она танцевала?

«Ла Пресс» от 18 марта 1905 года сообщает подробности. Она танцевала «с покрывалами и в украшенном драгоценностями бюстгальтере – и это, в общем, все». Стройная госпожа МакЛеод, продолжает газета, двигалась в наряде баядерки с несравненной грацией: «Ява, где она выросла на земле вулканов, придала ей такую невероятную гибкость и магический шарм, а за оставшуюся часть ее достойного восхищения тела ей следует благодарить свою родную Голландию.

Никто до нее не рискнул предстать перед богом со всем своим клокочущим экстазом и без одежды. И с какими чудесными движениями! Смелыми и смиренными одновременно. Она настоящая Абсара, сестра нимф, наяд и валькирий, созданная Сундрой чтобы заманивать мужчин к греховной гибели.

Мата Хари впечатляет не только игрой ее ног, рук, глаз, рта и ярко-алых ногтей. Не стесненная одеждой, Мата Хари играет всем своим телом. Если боги не реагируют на ее предложение красоты и юности, она жертвует им свою любовь,

свою невинность. Покрывала, символ женской чести, падают. Одно за другим жертвует она их богам. Но Шива требует большего. Девидаша приближается – еще одно покрывало, обнаженное ничто – выпрямление гордой, победоносной наготы. Она посвящает богу всю пылающую в ней страсть».

Затем газета пишет:

«Позднее Мата Хари в элегантном вечернем платье присоединяется к гостям. В руках у нее яванская кукла «ваджонг», и она рассказывает нам историю доисторической драмы Аджурны».

Возможно, Мата Хари и в самом деле называла историю Аджурны «доисторической». Может быть, не знающий правду автор подумал, что благодаря этому слову его статья будет интересней. Но на самом деле историю Аджурны никак нельзя назвать доисторической. Она основывается на персонаже яванских народных сказок, «древность» которых в тот момент не превышала, пожалуй, сотню лет. У этих сказок индуистское происхождение, и их и сегодня рассказывают по вечерам в индонезийских деревнях. Тени кукол «ваджонг», проецируемые на белое полотно (как на экран), иллюстрируют рассказ. Конечно, Мата Хари получила свою «доисторическую мудрость» из этих кукольных спектаклей, которые во все времена одинаково ценились и индонезийцами, и европейцами.

Только немногие актеры могли бы похвастаться таким шумным дебютом. Парижане приняли Мату Хари так горя-

чо, потому что она принесла им нечто новое. Может быть, какую-то роль сыграло, что она так невинно скрывала под вуалью лицо, когда с ее тела спадало последнее покрывало. Они называли ее «леди МакЛеод», а Мата Хари была достаточно умна, чтобы никогда не упоминать, что у нее нет никакого права на такой титул.

Мата Хари в 1905 году танцевала в общей сложности около тридцати раз в фешенебельных парижских салонах. Кроме того, она шесть раз выступала в театре «Трокадеро», где специально для нее создали атмосферу, очень схожую с обстановкой в Музее Гиме. Трижды танцевала она в салоне барона Анри де Ротшильда. Ее ввели в дом Сесиль Сорель, знаменитой актрисы театра «Комеди Франсэз». В «Гран Серкль» она выступала в одной программе с известной певицей сопрано Линой Кавальери. В «Серкль Руайаль» или в любом ином месте – повсюду ее во время выступления окружали восточные ковры, пальмы, расточительное богатство цветов и таинственный запах восточных благовоний.

Сесиль Сорель, позднее вышедшая замуж за графа де Сегюра, была так же восхищена Матой Хари, как и все остальные. Среди ее гостей был месье Гастон Менье, французский «шоколадный король». После представления 14 мая Сесиль Сорель послала Мате Хари письмо, которое она тоже аккуратно вклеила в свой памятный альбом.

«Мадмуазель, ваши прекрасные танцы глубоко поразили

моих гостей. Месье Менье выразил желание восхититься вами еще раз в его собственном доме в пятницу. Возможно ли это? Там вы будете выступать в обстановке, достойной вашего великого искусства: большая закрытая веранда, наполненная редчайшими растениями и цветами. Пожалуйста, напишите ваш ответ самому месье Менье или, если вам так удобнее, мне.

С глубоким уважением С. Сорель».

Мата Хари согласилась. В следующую пятницу, 19 мая, она танцевала у Менье. Тот был не просто восхищен. Он показал себя в создании деликатных фотографий таким же мастером, как и в производстве деликатного шоколада. Некоторые из этих маленьких фотографий, показывающих Мата Хари совсем голой, были вложены между страниц письма, которое месье Менье послал ей несколько дней спустя.

«Дорогая мадам, я не забыл своего обещания прислать вам фотографии с того вечера, когда вы так чудесно танцевали. Я с минуты на минуту жду эти снимки. Для вас фотографии станут воспоминанием об одном из ваших танцевальных вечеров. Для меня и моих друзей они значат намного больше. Для нас они останутся воспоминанием об этом потрясающем культурном событии, на котором вы олицетворяли классическую красоту. Маленькие фотографии, которые я приложу к письму, лучше слов покажут то глубокое впечатление, которое оставило ваше появление у нас. Это была мечта о Востоке. Я считаю себя счастливым, что смог внести

свой вклад в это событие предоставленным мною освещением и предметами культуры, которые – как меня заверили – так прекрасно гармонировали с формами вашего превосходного тела».

Во всеобщее восхищение вмешался лишь один несопадающий со всеми звук. После того, как Мата Хари выступила в доме Эммы Кальве, знаменитой французской певицы, исполнительницы арии Кармен в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, «Эко де Пари» писала: «В ее танцах нет ни танцевального совершенства, ни чего-либо еще примечательного». Но та же газета, тем не менее, указала, что какое-то искусство в этом все-таки присутствует, ведь «Мата Хари танцует голой. Но нельзя сказать, что Мата Хари неприлична или что взгляд на эту красивую индуску вызывает грязные мысли – хотя она обнажена с головы до пят, с большими глазами и улыбающимся ртом, который на ее лице выглядит точно разрез в плоти спелого яблока».

В Париже были люди, возмущенные тем, что дама позволила себе раздеться перед больше чем одним человеком. Если на выступлении в доме графини де Луан она была одета «по минимуму» (ее танец перед группой почтенных членов Французской академии дал повод «Журналь Амюзан» написать, что она танцует «голой, как речь академика»), то перед «Кружком артистов и литераторов» она выступала совершенно без одежды. Но так как тут зрителями были одни лишь люди искусства, она танцевала перед ними «голой, как

Хасан в „Тысяче и одной ночи“, голой, как Ева перед грехопадением, с иллюзорным крошечным украшением в качестве фигового листка».

Среди зрителей на одном из вечеров у Эммы Кальве была французская писательница Габриэль Колетт. Она описала свои впечатления в статье в парижской газете «Фигаро» в декабре 1922 года:

«Я видела, как она танцевала у Эммы Кальве. Собственно, это не было танцем. Куда больше это было умение грациозными движениями сбрасывать с себя вуали. Представление она начала почти голой, танцевала «с намеками», с полузакрытыми глазами и исчезала, укутанная в свои покрывала». Затем Колетт продолжала, рассказывая уже о другом выступлении: «И в одном из своих танцев она появилась на белом коне».

Париж признал Мату Хари. Он ею восхищался и боготворил ее. Но после того как она стала уже известной актрисой и новизна ее танца в обнаженном виде была подробно описана во всех деталях, газетам, пишущим о ней, нужно было открыть в ней нечто новое. Парижане начали сравнивать ее танцевальное искусство с ее предшественницами, позволившими себе рискованные танцы. Прежде всего вспомнили об Айседоре Дункан. Она в 1899 году приехала из Америки в Париж и в разлетающихся древнегреческих одеждах исполняла новаторские танцы под звуки классической музыки. Айседора Дункан, личная жизнь которой была столь

же бурной, как и у Маты Хари, позднее уехала из Парижа в Берлин. Там она достигла новых успехов и даже открыла танцевальную школу. В сравнении с Дункан Мата Хари, по мнению газет, была несомненной победительницей. «Мисс Дункан была весталкой, – писала Франсис Кейзер, – а леди МакЛеод это Венера».

Парижский еженедельник «Ла Ви Паризьен» занимался этим же вопросом куда серьезнее. «Мисс Дункан олицетворяла Грецию. Под музыку Бетховена, Шумана, Глюка и Моцарта она пробудила языческие танцы античной классики к новой жизни. Парижские салоны боролись за выступления мисс Дункан. Но – как это часто бывает – она исчезла. Вместе с матерью и длинноволосым братом, который играл на скрипке, сопровождая ее выступления, мисс Дункан уехала покорять Берлин.

Теперь у нас есть Мата Хари. Она индуска, дочь английской матери и голландского отца, и все это кажется несколько сложным. Тем не менее она индуска. Мисс Дункан во время танца демонстрировала лишь свои ноги и руки. А Мата Хари стоит на сцене совершенно голой. Только несколько украшений и кусок материи вокруг бедер и ног прикрывают ее. Она очаровывает – своим большим ртом и грудями, на которые некоторые благовоспитанные зрительницы взирают с неприкрытой завистью».

Груды Мата Хари казались многим людям предметом, достойным детального изучения. Их комментировали во все

времена. Большинство свидетелей утверждало, что она никогда не демонстрировала свой бюст открыто. Когда Эдуард Лепаж писал об ее дебюте в Музее Гиме, что «она отбросила орнаменты, скрывающие ее грудь», то он добавил, что грудь была «голой». Но ни одно сообщение не говорит, что она хоть раз действительно касалась бюстгальтера, который был под нагрудными украшениями. И можно с уверенностью сказать, что как раз в случае с бюстом Мата Хари действительно была достаточно скромной.

Испанец Э. Гомес Каррильо пишет в своей книге «Мата Хари: Тайна ее жизни и смерти» (Париж, 1925), что Джон МакЛеод однажды в порыве ревности откусил своей жене один сосок. Возможно, именно это принудило ее тщательно скрывать свой бюст от глаз публики. Тюремный врач Леон Бизар в 1925 году в своей книге «Воспоминания врача» писал: «Правда была намного проще. У Маты Хари была очень маленькая грудь с недоразвитыми сосками и с обесцвечившейся кожей вокруг них. Потому она совсем не была заинтересована демонстрировать ее».

Глава 4

За это время Мата Хари поняла значение рекламы. Она строго следила за тем, чтобы не рассказывать одну и ту же историю дважды. Большое внимание уделяла она сообщениям об ее искусстве и ее прошлом. С игривой легкостью она смешивала правду и выдумки, прилагая все усилия для создания полнейшей путаницы.

На одном благотворительном выступлении в театре «Трокадеро» ее интервьюировал Поль Эрвье для «Солдатских глаз». Ему она предложила совершенно фантастическую историю: «Я родилась в Индии и жила там, пока мне не исполнилось двенадцать лет. Мои детские воспоминания совершенно отчетливы. Я прекрасно помню даже самые мало-важные случаи моих первых лет жизни в цивилизации, совершенно отличной от вашей. Мне было двенадцать, когда я попала в Висбаден. Там я вышла замуж. Вместе с мужем, голландским офицером, я вернулась на родину. Я стала женщиной. Но места моей молодости по-прежнему восхищают мой взор».

До сего времени она не объясняла свое искусство. Но она не преминула сделать это. «Должна ли я рассказать вам, как я вижу свое искусство? Оно очень простое. Собственно, это самая простая вещь в мире. Природа сама по себе проста. Только люди любят все усложнять. Не нужно усложнять ве-

щи так, чтобы они казались смешными. Священные танцы брахманов это символы. Их фигуры – это выражение мыслей. Сам танец это стихотворение, а жесты – слова».

Последняя фраза чем-то понравилась Мате Хари. Соответствовала она ее собственным мыслям? Или она позаимствовала ее у кого-то? Во всяком случае, через несколько страниц она снова появляется в ее дневнике-альбоме. Огромными буквами – подпись под одной из ее фотографий.

Она делала прогресс. Так что больше ее мужем не мог быть простой майор. Недолго думая, она произвела его в полковники, звание, которого он так долго и безуспешно добивался. В интервью для британской газеты «Джентльвумэн» от 25 марта 1905 (в нем очаровательная актриса упрямо именуется «Мата Кари» вместо Мата Хари) она рассказывает, что она прибыла с Явы лишь месяц назад (а не три года, в марте 1902 г., как на самом деле). Она родилась на Яве как «ребенок европейских родителей и вышла замуж за сэра МакЛеода, шотландца, полковника голландской колониальной армии».

Французская и британская пресса захлебывалась от восторгов в адрес Маты Хари. И парижское издание «Нью-Йорк Геральд» разделяло это воодушевление. В статье от 2 мая этого года газета писала: «Невозможно оживить мистику индийской религии более благородным образом, чем это было сделано ею».

Голландские корреспонденты во французской метропо-

лии наострили уши, узнав о своей знаменитой землячке.

В то время Голландия была очень благовоспитанной страной. На прекрасном амстердамском пляже Зандфоорт женщины купались только в кабинках на колесах, которые лошади осторожно завозили в море. Загорающие строго разделялись по половому признаку. Новость, что голландка оказалась достаточно смелой, чтобы показать себя обнаженной перед невооруженными взглядами, была сенсацией.

«Ниус ван ден Даг» была первой газетой, обратившей внимание читателей на их знаменитую землячку – была ли она ею на самом деле? – завоевавшую такой ошеломительный успех у французов. Цитируя одну французскую газету, корреспондент закончил свою статью вопросом: «Кто же такая эта Мата Хари?»

Ответ не заставил долго себя ждать. И ко все более запутанным тайнам вокруг происхождения Маты Хари добавилась еще одна версия. Сразу после публикации статьи одно читательское письмо *«из благожелательного источника»* ответило на заключительный вопрос:

«Настоящее имя Маты Хари – госпожа МакЛеод. Она родилась на Яве и была замужем за английским офицером. Так как она страстно любила танцы, то и изучала их с достойным восхищения терпением. Благодаря хитрости и уму – ведь это могло стоить ей жизни, если бы ее застали за этим – ей удалось получить доступ к тайным храмам Индии, где вне досягаемости взглядов обычных смертных баядерки, научи и

вадаши танцуют перед алтарем Вишну. У нее было природное, врожденное чувство поз и движений, потому даже самые фанатичные жрецы, охранявшие золотой алтарь, смотрели на нее как на священную танцовщицу».

При чтении таких статей в голландской прессе и Джону, и папе Зелле в голову, видимо, приходили странные мысли. Маленькая девочка, которая каталась в запряженной козами тележке в Леувардене, стала теперь знаменитой танцовщицей; молодая женщина, ответившая на газетное объявление, теперь живет в Париже? В том самом городе, о котором она так часто мечтала? И успех? Он был как крик издалека – с полей Фрисландии и холмов Явы. Что-то, чего никогда не смогли ни открыть, ни даже предположить ее отец и муж, оказывается, всегда было скрыто в глубине души их дочери и жены.

Теперь слава Мата Хари пробивалась повсюду. Прежде всего – к полчищам иностранных корреспондентов в Париже, всегда ожидавшим какой-то истории с легким романтическим флером, которая могла бы заинтересовать читателей. А появление этой интересной индийской танцовщицы было на самом деле хорошей историей!

Один румынский корреспондент в Париже смешал звуки Востока с цыганской музыкой своей родины. Как и все румыны, впадающие в раж при виде красивой женщины, он нашел в Мате Хари «чужеземную философию в нежности ее тела, в рифме ее движений, в ее небрежных и в то же время воз-

буждающих движениях, в трагических угрозах ее глаз и рук, в задумчивой молитве ее полных любви жестов, в ее воображаемых любовных утехах, ее зажигательном отступлении, ее извращенном даре, ее невинном триумфе над природой и чувственностью».

Румын продолжал: «Это было как заклинание. И казалось, что стены музея падут, что снаружи за ними не Авеню Иены, а какой-то далекий, неизведанный горизонт. Вековые леса дрожали под огненными поцелуями вечного лета. Пластичные, не уступающие высотой пирамидам пагоды на краю этой длинной, обсаженной розовыми кустами аллеи дрожали в голубой дымке пахучих благовоний. И тут появляется прекрасная женщина, производящая такое сильное впечатление своим искусным молчанием и четкой игрой жестов. Она символизирует невинную природу со всеми ее соблазнами, слабостями и радостями».

Весь 1905 год в Париже был лишь один человек, сомневавшийся и в Мате Хари, и в ее искусстве. Франсуа де Нион, писавший для аргентинской газеты «Ла Пренса» (Буэнос-Айрес) и испанской «Диарио» (Кадис) решил побеседовать с человеком, который много лет провел в Индии и был «настоящим ориенталистом».

Этот человек объяснил, что танцовщицы на Востоке никогда не выступают голыми, но всегда укутаны в белые покрывала, и что невинность в стране брахманов уже давно вошла в поговорку.

Поэтому де Нион задумался. Он начал сомневаться, не стал ли Париж жертвой обмана. «Неужели мы все еще живем во времена Людовика XVI, – спрашивал он, – который однажды с энтузиазмом устроил величественный королевский прием некоему иностранному послу, который, как оказалось потом, был обычным лавочником из Марселя?»

Пока месье де Нион продолжал свое расследование, Мата Хари приняла меры, которые могли бы дать хотя бы частичный ответ. Теперь она изменила сцену. Точно как и ее отцу, ей нужно было признание в больших масштабах. Встреча с одним пожилым господином направила ее в эту сторону. Этот месье был адвокатом, и звали его мэтр Эдуард Клюне. С этого момента он играл в жизни Маты Хари очень важную роль, которая завершилась лишь с ее смертью.

Мата Хари высказала мэтру Клюне свои желания. Клюне передал ее с теплыми рекомендациями своему другу, самому знаменитому импресарию Парижа Габриэлю Астрюку. Астрюк, который несколькими годами позже помог привезти в Париж на гастроли певца Федора Шаляпина и русский балет Дягилева, а в своих мемуарах называл Клюне «настоящим и верным другом» Маты Хари, тут же приступил к работе. До самого конца Астрюк оставался ее менеджером и агентом. Она приняла ангажемент в театре «Олимпия» на Бульваре Капуцинов. Она собиралась заключить в свои объятия большую публику. Поль Рюэ, директор театра, очень хотел прославить свой театр среди всех мировых варьете, при-

глашая к себе самых интересных исполнителей. Среди них был Фред Карно, один из первых мимов своего времени, под чьим руководством дебютировал пять лет спустя Чарли Чаплин в «Ночи в английском мюзик-холле». В театре выступали арабские танцовщицы, жонглер, «Лео и его дьявольские скрипки», было несколько акробатических номеров. Кроме того, там же проходили становившиеся все популярнее сеансы «синематографа». Мата Хари дебютировала за огромный по тем временам гонорар в 10 тысяч франков.

Результат был ошеломляющим. Пока она танцевала в частных домах, пресса была настроена лирически. Но ее выступление в спектакле Райнана и Хаудена «Мечта» на музыку Джорджа Бинга стало сенсацией. Парижане, любопытство которых разогревали слухи и намеки в их журналах, теперь могли собственными глазами увидеть это восточное чудо.

18 августа 1905 года Мата Хари во время генеральной репетиции впервые выступила в «Олимпии». Двадцатого состоялась ее публичная премьера. Результат оправдал все финансовые инвестиции месье Рюэ. Это был абсолютный триумф.

В дыму первого крупного успеха Мата Хари, как истинная дочь своего отца, успела потратить больше денег, чем она заработала за первые шесть месяцев своего прорыва в парижское общество. Как только она стала регулярно получать большие гонорары, появился один парижский ювелир, потребовавший конфисковать ее имущество как компенса-

цию за неоплаченные счета на общую сумму 12 тысяч золотых франков.

Когда дело разбиралось в суде, Мата Хари вдруг вспомнила о своем муже, который один жил с ее дочкой в Голландии. Она рассказала судье, что все покупки у ювелира «совершались без разрешения моего супруга, голландского офицера».

Решение судьи удовлетворило обе стороны. Мата Хари смогла сохранить драгоценности, обязавшись выплачивать долг ювелиру по частям – 2 тысячи франков ежемесячно.

А что же случилось за это время с Джоном? Он все еще жил в Голландии и теперь требовал полного официального развода. Но для этого ему необходимо было согласие Грит. Вначале Мата Хари не имела ни малейшего желания уступать в этом вопросе. А без согласия супруги никакой голландский суд не принял бы решение о разводе.

В конце концов, Джон послал своего адвоката господина Хейманса в Париж, чтобы тот уговорил Мату Хари дать свое согласие. Джон хотел вступить в новый брак. Не только ради самого себя – ему уже было пятьдесят лет, – но и ради дочки Нон, которой он хотел найти вторую мать. Пусть МакЛеод не был безупречным мужем, особенно в начале его первого брака, но его поведение как отца всегда было примерным.

Адвокат встретился с Матой Хари. В это время он в полной мере наслаждался своим пребыванием во французской метрополии. Почти каждый день он отыскивал знаменитую танцовщицу и говорил с ней о тысячах разных вещей. Ма-

та Хари, снова истинная голландка, наслаждалась его обществом. Но стоило речи зайти о разводе, она начинала отговариваться, повторяя, насколько приятно ей снова поговорить по-голландски. И просила адвоката не портить ей эти редкие минуты удовольствия, говоря о таких неприятных вещах, как развод.

Господин Хейманс вполне понимал, что в Париже он находится не ради того, чтобы наслаждаться приятными деньгами за счет своего клиента. Увидев, что беседы не приносят никаких результатов, он наконец-то вытащил из бумажника свой туз. Это была фотография голой Маты Хари. Снимок, объяснил он, был передан ее мужу одним из его друзей, который, в свою очередь, получил фото в Париже.

Мата Хари была удивлена и рассержена. Фотографию эту, очень личную, снял один из ее близких друзей, утверждала она. Она ни в коем случае не предназначалась для продажи. Это вполне может быть правдой, ответил господин Хейманс, но любой строгий голландский судья, увидев это, будет убежден, что честная женщина и мать «не позволит сфотографировать себя в голом виде даже другу». Мата Хари и сама прекрасно понимала, что подумает в этом случае голландский судья. Она увидела, что у нее не было выбора. Скандал стал бы очень неприятным не только для нее, но и особенно для дочери. Потому она согласилась на окончательный развод. Супруги были окончательно разведены официальным решением суда в Амстердаме 26 апреля 1906 года.

Следующий супружеский опыт Джона МакЛеода был намного счастливее первого. 22 ноября 1907 года он женился на Элизабет Марии Кристине ван дер Маст. Она была на двадцать восемь лет моложе своего мужа. У них родилась дочь Норма.

МакЛеод, получавший довольно скудную пенсию, подрабатывал судебными репортажами для одной ежедневной газеты в Арнеме. Он передал дочь Маты Хари на воспитание другой семье. По субботам и воскресеньям она обычно приезжала к нему домой, чтобы немного побыть у отца и его второй жены. МакЛеод и Элизабет разошлись в 1912 году. В 1917 году состоялся их официальный окончательный развод.

Глава 5

После успехов в театре «Олимпия» Габриэль Астрюк продолжал активно заботиться о карьере своей подопечной. В январе 1906 года – за четыре месяца до развода – Мата Хари отправилась в двухнедельные гастроли в Испанию. Это было ее первое выступление за рубежом. Она танцевала в центральном зале Мадрида. Пресса называла ее танцы «тактично-чувственными». Все сожалели, что Мата Хари танцевала в трико, хотя и в «минимально возможном». Ее сопровождали «сенсационные» овации.

Она не поехала бы в Мадрид без самых лучших рекомендаций. Мэтр Клюне дал ей письмо своему другу в испанской столице. Этим другом был не кто иной, как французский посол, Жюль Камбон – еще один человек, сыгравший важную роль в оставшиеся двенадцать лет жизни Маты Хари.

Во время своего пребывания в Мадриде она внезапно получила письмо от Астрюка. Это письмо было первым шоком ее жизни. До сего момента она выступала с восточными танцами собственного изобретения. Даже перейдя из интимной атмосферы парижских салонов к выступлениям перед широкой публикой в театрах варьете, она сохранила свой стиль. Теперь Габриэль Астрюк писал ей, что вместе со своим другом Раулем Гюнсбургом, директором оперы в Монте-Карло, он подписал для нее контракт. Здесь Мата Хари должна бы-

ла выступить в балете Жюля Массне «Король Лахора». Мата Хари по почте ответила на письмо Астриюка, попросив его прислать ей партитуру произведения.

Месье Гюнсбург, который родился в Румынии в семье раввина, после работы в театрах Москвы и Санкт-Петербурга приехал в Монте-Карло. И там он правил пятьдесят девять лет, как некоронованный король театральной жизни. До 1951 года.

Мата Хари. 1906 год

Постановка «Короля Лахора» под патронажем принца Монако Альберта I обещала сделать этот сезон настоящим культурным событием. Опера Монте-Карло в то время – наряду с парижской оперой – входила в число первых лирических театров Франции, в которых проходило множество интересных премьер. В том же году в Монте-Карло должен был выступить Шаляпин, но еще никто точно не знал, придет ли великий русский бас. В июне 1905 года взбунтовались матросы на броненосце «Потемкин» в Одессе. За этим последовало большое декабрьское восстание в Москве – так писала Мата Хари аккуратным почерком в своем альбоме, – и, по слухам, «Шаляпин был ранен на баррикадах на Тверской улице в Москве, а затем арестован царской полицией».

Премьера «Короля Лахора» 17 февраля 1906 года, на которой присутствовал сам композитор Массне, сидевший в ложе принца Монако, была огромным успехом. Мата Хари, «чье присутствие в Монте-Карло вызвало фурор» (согласно газетным комментариям), танцевала в третьем акте вместе со знаменитой мадмуазель Замбелли. Арию Зиты пела Жеральдина Фаррар, одна из самых блестящих певиц, когда-либо прибывавших из США.

Это был большой шаг вперед для Маты Хари. Она получила работу в серьезном театре. Танцы в голом виде, по меньшей мере, в этот момент отошли в прошлое. Теперь она стала

знаменитой не потому, что сбрасывала прозрачные покрывала, прикрывая лицо, – то, что сегодня назвали бы стриптизом, а потому что она могла хорошо танцевать. На самом деле танцевать, а не просто грациозно двигаться и принимать эффектные позы.

Пресса назвала ее «соблазняющей звездой», придавшей балету «волнующий шарм необычных танцев». Еще писали, что на карнавале в Ницце она очень эффектно выступила в роли Венеры.

В круг ее друзей входили самые знаменитые люди. Пуччини, находясь в Монте-Карло, прислал ей цветы. На приложенной карточке он посылал «очаровательной артистке» свои самые сердечные приветы. Массне был сам полностью во власти ее чар. Шестидесятичетырехлетний композитор, автор «Короля Лахора», ранее уже имевший громкий успех благодаря своим произведениям «Манон», «Таис» и «Вертер», писал ей: «Я был счастлив видеть, как вы танцуете. Примите мои самые искренние поздравления».

Дружба Маты Хари с Массне с течением времени углубилась. Это следует из письма композитора, где тот пишет, что «ему оказало большую честь ее предложение и он безутешен тем, что на месяцы застрял в такой трудной работе». (Вероятно, Мата Хари попросила его написать балет специально для нее – это желание преследовало ее долгие годы.) Позднее, когда она жила в Берлине, Массне, незадолго до своего возвращения в Париж, писал ей полное чрезмерных востор-

ГОВ ПИСЬМО:

«Как счастлив я был увидеть вас снова! Мата, Мата – через несколько минут я уезжаю в Париж! Спасибо, спасибо – и мое горячее восхищение!»

Письмо было написано на голубой бумаге с перфорированным прорезиненным краем, как это было принято в 1906 году. Письмо адресовано было «Мадам Мате Хари, Берлин». Массне, родившемуся в 1842 году, было тогда уже почти шестьдесят пять лет. Книги о Массне не упоминают об его путешествии в германскую столицу. В написанной им самим книге «Мои воспоминания», вышедшей в 1912 году – в год его смерти, он называет лишь одну свою поездку в Германию – в Байреит. Но интерес композитора к слабому полу был всем известен, а Мата Хари вполне могла возбудить его воображение в такой степени, чтобы он ради нее совершил короткое путешествие на север.

В Берлине Мата Хари стала любовницей господина Альфреда Киперта, богатого землевладельца, поместье которого находилось прямо у ворот города. Киперт был лейтенантом 11-го Вестфальского гусарского полка. Его супругой была красавица-венгерка. А для Маты Хари он снял апартаменты на Находштрассе, 39, недалеко от Курфюрстендамм, главной улицы нынешнего Западного Берлина. Вместе с лейтенантом Кипертом она побывала на императорских маневрах в Яуэр-Штрайгау, Силезия, которые проходили с 9 по 12 сентября 1906 года. Это обстоятельство будет упомянуто в ходе

судебного разбирательства одиннадцать лет спустя как важный подозрительный момент, «подтверждавший» ее предполагаемую шпионскую деятельность.

29 августа 1906 года Мата Хари написала из Берлина письмо в Париж Габриэлю Астрюку. В нем она сообщила ему, что получила из Лондона предложение выступить там в пантомиме, «что мне очень подходит». Но куда охотнее она занималась бы этим в Монте-Карло, «где у меня был такой большой успех». В том же послании она упоминает о приезде Массне и сообщает, что композитор «ввел ее в Венскую оперу».

В оперном театре этого города она никогда не танцевала. Но она отправилась в Вену, где в конце 1906 года начались ее победы над Австро-Венгерской монархией. Ее прибытие тут же вызвало «войну трико». На своих первых выступлениях она танцевала голой. Потом, в театре «Аполло» надела трико. Это побудило прессу к публикации целых серий полемических статей о том, имеет ли какую-то ценность танец в плотно облегающем трико, полуголой или совсем голой. На самом деле в Вене было вдоволь частично или совсем открытой плоти, чтобы эти споры не утихали.

Мата Хари жила в отеле «Бристоль». В отеле «Националь» устроилась американская танцовщица Мод Аллан. Между этими дамами поселилась не кто иная, как сама Айседора Дункан. Мод Аллан не одевала на сцену «ничего, кроме золота». Потом на венских сценах появилась одна танцовщица,

одетая только в носовой платок, «который держала в руке». Даже известные широтой натуры венцы были слегка шокированы. А когда прибыла еще и Мата Хари, пламя «войны трико» охватило первые страницы всех газет. Но Мата Хари выиграла эту войну. Хотя некоторые дамы из высшего общества считали, «что это заходит уже слишком далеко», достаточно было нескольких ее выступлений, и все нашли их вполне удовлетворительными. Корреспондент венской газеты «Фремденблатт» дал прекрасное описание танцовщицы, как он увидел ее в отеле «Бристоль»:

«Высокая и стройная, с пластичностью грации хищного зверя, с иссиня-черными волосами, окаймляющими маленькое лицо, казавшееся необычным». «Лоб и нос – классические – пришедшие прямо из античности. Длинные черные ресницы оттеняют глаза, а брови похожи на такие тонкие дуги, будто их написала кисть художника».

Было много и других интервью, пока она не показала себя на сцене перед сгоравшими от нетерпения венцами. Ибо Мата Хари поняла, что реклама стала важнейшей частью ее карьеры. Корреспондента немецкой «Дойчес Фольксблатт» она приветствовала «на вполне свободном, изысканном немецком языке». Пока слова струились из ее рта, она еще успевала демонстрировать свои губы, «как пухлые розовые лепестки».

– Во время представления люди забывают о женщине во мне, – объясняла Мата Хари. – Так что я в танце, в котором

все жертвую божеству, а в конце – и себя саму, что символизируется тем, что я спускаю с себя охватывающий бедра пояс, последнюю деталь одежды, и только полсекунды стою голой, никогда не пробуждала ни в ком никаких иных чувств, кроме интереса к выражаемым моим танцем мыслям.

Мата Хари действительно достигла вершин в искусстве грациозно сбрасывать вокруг себя разные интересные предметы.

Стыдливая Мата Хари, видимо, очень наивно оценивала свою венскую публику. А может быть – и это более вероятно – она старалась заставить венцев предвкушать то, что их ожидало.

Это был 1906 год, и до Первой мировой войны оставалось еще достаточно много времени. Потому интересно, что Мата Хари ответила интервьюеру в Вене, когда тот спросил, стала ли бы она танцевать в Берлине. Возможно, конечно, что ее берлинский любовник Киперт не позволял ей открыто выступать в этом городе, где он одновременно содержал любовницу и жил со своей законной супругой. Возможно, и Мата Хари в то время не особо любила немцев, хотя несколько лет спустя – по крайней мере, с точки зрения искусства – изменила свое мнение.

– Берлин? – переспросила Мата Хари. – В Берлине я не стала бы танцевать даже за очень большие деньги.

Тем не менее в Берлине Мата Хари танцевала. Как минимум – один раз. В частном доме, как это следует из акку-

ратно подколотой в ее альбом визитной карточки. Карточку переслала ей принцесса Леопольд фон Крой, урожденная графиня фон Штернберг. Принцесса писала ей на английском языке: «Дорогая леди МакЛеод. Если я требую от вас не слишком много, то я была бы вам очень благодарна, если вы пришлете на субботу еще два билета для графини Андрасси, Вальверштрассе, 6». Муж графини Андрасси, граф Юлиус Андрасси стал впоследствии министром внутренних дел Австро-Венгрии. В 1915 году, в самый разгар войны, он требовал от правительства Габсбургской монархии прекратить войну на стороне Германии и заключить сепаратный мир с Антантой.

Наконец состоялось ее первое выступление – именно тот самый танец в голом виде – в «Бюргерхалле». На представление было разослано множество приглашений: «Увидьте Мату Хари, леди МакЛеод!» С 15 декабря 1906 года по 16 января 1907 года она выступала в венском театре «Аполло».

Чтобы создать для публики соответствующее религиозное настроение, руководителю оркестра пришлось в голову использовать в качестве музыкального введения к танцам Маты Хари гимн Мартина Лютера «Бог – наша крепость»!

Мнения критиков разделились. Самую критическую оценку дала газета «Ди Цайт», что, впрочем, не помешало Мате Хари сохранить в своем альбоме и эти статьи. Критик сомневался, что «танцы в их восточном спокойствии, содержащем в себе нечто фантастическое, настоящие и что они

вообще представляют собой индийское искусство».

Но даже если бы это было и не так, все равно было чему удивляться, ибо «в этом теле, созданном как произведение искусства, с льстивой грацией и скрытым огнем в простых жреческих жестах, скрывается высочайшая привлекательность». Еще раз подумав о новости, состоявшей в возможности увидеть на сцене голую женщину, газета добавила: «Следует понимать, что это артистическая, чистая привлекательность».

Положительные отзывы или отрицательные – Мату Хари это не волновало. И для волнений не было повода, потому что массы зрителей шли на выступления, оставляя свои деньги в кассах театра «Аполло».

«Айседора Дункан мертва! Да здравствует Мата Хари!» – воскликнул «Нойе Винер Журналь».

Счастливая Мата Хари. Она завоевала сердца австрийцев, так же как французов и испанцев. Если и были неблагоприятные отзывы в прессе, то о них можно было бы легко забыть в громе аплодисментов, которыми осыпала ее вся Вена. И если ее популярность можно было измерить содержанием передовиц венских газет, то Мата Хари действительно стала сенсацией в австрийской столице. «Дойчес Фольксблатт» посвятил ей такие весьма забавные стихи:

Мата Хари. 1906 год

«А вокруг стильная группа
С перекрещенной группой богов.
Дамы и господа ожидали много —
Объявленную игру в жертвоприношение
Танцевавшего в молитве Ларифари
Наполовину индуски Мата Хари.
И когда она пришла в развевающихся покрывалах,
то можно было слышать,

как завертелись индийские мудрецы

От звуков скрипки

И от рояля.

К тому же в стиле Айседоры Дункан

Исполнялись танцы совершенно необычные,

Мата Хари с голыми ногами,

А порой показывала что-то еще.

Это было высочайшее наслаждение от искусства

Смотреть на ее мелькающую пятку,

На жертвенно поднятую руку,

Пока на теле так мало одежды;

И Мата Хари выходила три раза,

Пока она не потеряла все свои одежды,

И, наконец, в последней тонкой вуали

Она упала наземь в конце праздника.

После чего, дружески махнув рукой,

Исчезла с глаз почтенной публики долгой.

Все, однако, надеялись, что это еще не конец.

Но вышел одетый господин и сказал:

– Вы можете идти домой,

Мату Хари вы сегодня больше не увидите».

Глава 6

После того, как в середине января занавес в Вене опустился для нее в последний раз, Мата Хари провела два с половиной следующих месяца, возможно в компании господина Киперта, в путешествиях.

В конце марта Мата Хари приехала в Рим. Оттуда она 30 марта написала большое письмо в Париж Габриэлю Астрюку. Она сообщала ему, что «совершила длительное путешествие в Египет, до самого Асуана». Там она надеялась найти «классические танцы. Но, к сожалению, все, что когда-то было красивым, исчезло. Оставшиеся танцы неграциозные и непривлекательные».

После этого вступления она переходит к главному. Она узнала, что Астрюк готовит парижскую премьеру «Саломеи» Штрауса, запланированную на 10 мая в театре «Шателе». «Музыка Штрауса потрясает своей мощью. Я так хотела бы создать и интерпретировать значение танца, который обычно остается самым слабым звеном оперы. Плохо представленный танец не позволяет создать нужное впечатление от всего остального».

Письмо Астрюку она писала в старом отеле «Бристоль» на Пиацца Барберини (нынешний «Бернини-Бристоль»). Мата Хари информирует Астрюка, что «через несколько дней» она снова появится в Берлине в своих апартаментах на На-

ходштрассе, 39. (Нынче Находштрассе, 25. Сам дом был разрушен в годы Второй мировой войны.) Там она с нетерпением будет ждать его ответа. Одновременно она посылает своему импресарио еще одно письмо с просьбой передать его самому Рихарду Штраусу. Но Астриук, у которого, по всей видимости, было свое видение постановки «Саломеи», считал бесполезным передавать это письмо композитору. Много лет спустя я обнаружил это послание в папке для бумаг Астриюка в Париже. В письме Мата Хари просит композитора о встрече, как только она снова будет в Берлине. «Я очень хотела бы создать «танец». Прежде всего, я хотела бы танцевать в Париже, где я очень известна. Только я смогу точно интерпретировать настоящие мысли Саломеи». Чтобы поточнее проинформировать Рихарда Штрауса, она сообщает ему: «В Монте-Карло я танцевала «Индийский воздух» Массне, и он сможет рассказать обо мне больше». Хотя Мата Хари уже прекрасно знала немецкий язык, письмо Штраусу она написала на французском.

Мата Хари была буквально одержима мыслью, что только она в состоянии правильно станцевать «Саломею». На протяжении следующих лет она постоянно повторяла Астриюку эту свою просьбу. Но хотя позднее ей действительно удалось выразить «настоящие мысли Саломеи», это произошло уже не под руководством Астриюка.

Лишь в конце 1907 года Мата Хари прервала свою связь с Кипертом и навсегда вернулась в Париж. Тут она жила в пер-

вокласном дорогом отеле «Мёрис». Это следует из интервью, данного ею парижскому изданию «Нью-Йорк Геральд» 23 декабря. В нем она говорит, что «два года провела в увеселительном путешествии». На самом деле она отсутствовала менее одного года. В это время, утверждала она, ей удалось совершить длительное сафари в Египте и в Индии. Она щедро расширяет сферу своих путешествий через Индийский океан до страны, танцы которой она, как считается, исполняет, но которую никогда не видела собственными глазами. Она выучила три новых танца. «Легенду о розе» она сама считает наилучшим. Она надеется начать свою новую карьеру 1 февраля 1908 года в зале «Фемина» на Елисейских Полях.

Предварительный показ этого танца происходит на новогодней вечеринке в доме Арлетт Доржер. Актриса Доржер исполняла в «Театре Буфф Паризьен» «простодушную распутницу». Вскоре после этого Мата Хари продемонстрировала свою притягательность на одном благотворительном спектакле. Леон Бэльби организовал этот праздник. Впоследствии он стал владельцем ежедневной газеты «Ле Жур» и инициатором знаменитого ежегодного бала «Bal de Petits Lits Blancs» в Парижской опере. Благотворительный гала-вечер состоялся в театре «Трокадеро».

Мата Хари в феврале 1908 года

В «Трокадеро» Мата Хари находилась в превосходной компании. Среди прочих там выступали Саша Гитри, Сесиль Сорель и шотландская певица Мэри Гарден, с сенсационным успехом дебютировавшая в опере Шарпантье «Луиза» в 1900 году.

Тем не менее возвращение в Париж обернулось для Маты Хари разочарованием. Пока она пребывала за границей, во французской столице появились ее подражатели. Немало женщин внезапно открыли для себя, что красивое тело легко находит почитателей, если продемонстрировать его частично или полностью обнаженным. В театрах и кабаре развелось множество голых плясуний.

Перед Матой Хари встала серьезная проблема.

Ей уже было за тридцать. Она начала задумываться, по-прежнему ли ее тело излучает со сцены былую притягательную силу. И она всерьез подумывала над тем, чтобы выбросить все свое прошлое за борт и начать танцевать в длинном платье со шлейфом.

Мата Хари серьезно разозлилась, увидев, что ее имитируют во множестве парижских варьете. Это огорчение она выразила в маленькой речи, произнесенной во время благотворительного спектакля в пользу пожилых актеров, состоявшегося 20 сентября 1908 года в Понт-о-Дам. Мероприятие было организовано Бенуа Констаном Кокленом (известным в

роли Сирано де Бержерака. Позднее он с Сарой Бернар играл в «Орленке»). Эта маленькая речь оказалась настолько примечательной, что ее опубликовал британский журнал «Эра»:

«Два с половиной года назад я впервые выступила на частном мероприятии в Музее Гиме. С того достойного внимания дня появилось все больше и больше дам, вынырнувших из ничего и прославлявших меня своими имитациями. Мне действительно льстили бы эти знаки внимания – если бы представления были правильными с точки зрения науки, искусства и эстетики. Но, к сожалению, о них такого сказать нельзя».

Затем Мата Хари в очередной раз открывает шлюзы для потоков своей неумемной фантазии:

«На Яве, родившись среди чудесных тропических лесов, я с самого раннего детства изучила глубокое значение этих танцев, выражавших собой культ, религию. Только тот, кто там родился и вырос, проникнут их религиозным духом и может придать им ту серьезную ноту, которой они достойны. Я объехала весь Восток, но я могу только сказать, что нигде не видела женщин, танцевавших со змеей в руках или с чем-то подобным. Такое я впервые увидела в Европе. И должна признаться, что меня это очень удивило. Восточные танцы, которые я видела и изучила на моей родине – на Яве, вдохновлены цветами. От этого они и получают свою поэзию».

Это, конечно, было хорошей рекламой ее танца «Легенда о розе».

«В прошлом году я встретила в глубинах России одну даму – еще одну из этих псевдо-восточных танцовщиц, которая совершенно серьезно называла себя «жемчужиной Востока»». Я не могла удержаться от замечания: „Если есть настоящие жемчужины, как же не быть имитациям!“»

Эта речь – единственный намек на то, что Мата Хари в период между своим возвращением из Египта и последовавшим примерно через восемь месяцев появлением в Париже, возможно, совершила путешествие в Россию. Но она же утверждала, что была в Египте и в *Индии*! В голове Маты Хари настолько смешались фантазия и реальность, что в результате никто не знал с уверенностью, что правда, а что нет. Таким образом, коктейль ее жизни все больше и больше становился смесью правды, полуправды и чистых выдумок.

Мата Хари в то время уже вполне обеспеченная дама. В ее распоряжении всегда есть большие суммы денег. 4 октября 1908 года на Больших осенних скачках в Лонгшампе она появляется в изумительном бархатном платье с большой муфтой. Она привлекает внимание фотографов и всех парижан. Вскоре после этого ее снова видят в Лонгшампе «в возбуждающем воображение плотно обтягивающем платье из синего шифонового бархата, отороченном шиншиллой».

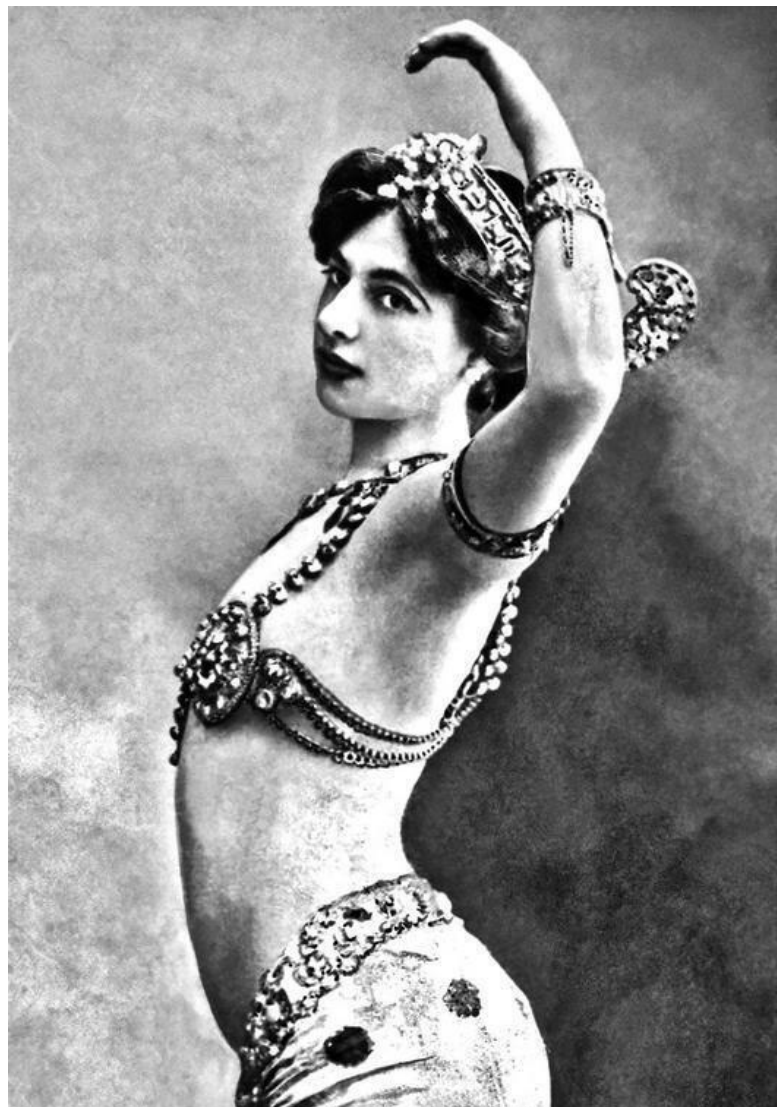
Для Габриэля Астриюка не возникало в те годы труда найти для нее выгодный ангажемент. Мата Хари больше не нуждается в выступлениях только ради денег. Она участвует в одном благотворительном спектакле за другим: студенческий

праздник «Gala des Pupilles», выступление в доме месье и мадам Гиме, выступление в честь барона Курино, японского посла. В августе она танцует в пользу бедняков Ульгата в Нормандии. В конце года, по ее утверждениям, она совершает второе путешествие в Египет. (В этот раз поездка состоялась исключительно в ее фантазиях.) По крайней мере, в прессе можно было прочесть об этом (что было неправдой) – перед тем, как она выступила в театре «Фемина» 6 февраля 1909 года. В рамках благотворительной деятельности она танцевала для госпиталя «Клементина» в Софии. В программе была болгарская музыка, болгарский танец, болгарские студенты в болгарских костюмах. Затем была «Орхидея», танец в исполнении знаменитой Маты Хари, в жилах которой течет смесь голландской, яванской, мадуранско-балийской и индийской крови. Только болгарской крови не было совсем.

Мата Хари стала признанной звездой танца. Она прочно завоевала себе место (согласно газете «Музыка», аккуратно подклеенной в альбом) среди таких знаменитостей, как Клео де Мерод (официальная любовница бельгийского короля Леопольда II), Айседора Дункан, Лойе Фуллер, Лола Монес (ирландская танцовщица, любовница баварского короля Людвига I и одновременно причина его падения) и Каролин «Ла Белль» Отеро.

Репертуар ее дополнился еще одним танцем – «Кечубунг». По «Дэйли Мэйл», это цветок, «который расцветает и погибает за одну ночь», а исполнение Маты Хари стало «чу-

десной иллюзией».

Мата Хари. 1909 год

Что делала Мата Хари в оставшиеся месяцы 1909 года? Очевидно, немного, разве что позировала для картины художника Поля Франц-Намюра. (Это следует из ее альбомов.) Возможно, ей надоели многочисленные благотворительные мероприятия, цветы, которые цвели и гибли, и затягивающиеся на всю ночь званые ужины. Она ждала чего-то большего, ждала изменений.

Изменения наступили в 1910 году, когда сцена снова позвала ее в Монте-Карло. Директор парижского театра «Одеон», меcье Андре Антуан, ставил пьесу франко-алжирского автора Шекри-Ганема. Она называлась «Анчар». Действие происходило «где-то в Аравии». Третий акт состоял из балета, который танцевала одна-единственная героиня – Клеопатра. Кто мог бы сыграть ее лучше, чем Мата Хари, подумал меcье Антуан.

7 января состоялась премьера. С помощью музыки Римского-Корсакова представление, как всегда, оказалось успешным. «Огненный танец» Маты Хари побудил парижскую газету «Матен» написать, что она «показала прекрасное исполнение, яркое, мистическое и выразительное».

После того, как статья парижского журнала «Комедия» поставила ее на первое место и назвала «бесспорной королевой старинных танцев» – высоко оценивая ее выступление на новогоднем бенефисе в театре «Аполло» в Париже, уже

НИКТО НЕ СОМНЕВАЛСЯ В ЕЕ ТАНЦЕВАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЯХ.

Глава 7

Тут начинается самый удивительный период в жизни Маргареты Гертруды Зелле, Маты Хари, леди МакЛеод, знаменитой индийской танцовщицы.

Мата Хари внезапно исчезает. Ее пути теряются в полной темноте. И многим авторам, попытавшимся пролить свет на этот период, это не удалось. Больше года о ней все молчат. Уехала Мата Хари за границу? Заболела? Где она была все это время?

Много лет меня волновала фотография в альбоме Маты Хари, которую она подписала «Мой золотой замок». Когда Анна Линтъянс мне тогда в Голландии доверила эти альбомы, то дала и открытку с изображением этого самого «шато».

Мата Хари в 1910 году

Путешествуя из Рима в Париж в конце 1962 года, я решил остановиться в Эвре, местечке южнее Тура, как раз в самом центре страны замков. Замок существовал на самом деле. Это было удивительное здание восемнадцатого века, в конце красивой аллеи, с треть мили длиной, обсаженной деревьями.

Месье Жермен, мэр, сам лично Мату Хари не знал, но слышал о ней бесчисленное множество историй.

Мы долго разговаривали в простой гостиной его крестьянского дома. Я задал вопрос, нет ли кого-то, кто лично знал бы Мату Хари.

– О да! – воскликнул мэр. – Верно. Полин работала на Мату Хари в замке.

Полин накрывала для Маты Хари на стол, приносила ей завтрак, чистила серебро и варила утренний кофе. Мата Хари наняла ее на работу где-то в июле 1908 года. Она оставалась у нее до конца следующего года, когда Мата Хари уехала. На прощание она сказала Полин: «Я вернусь через две недели». Но так никогда и не вернулась. Хотя Мата Хари предложила ей поехать с ней в Париж, чтобы работать для нее и там, Полин предпочла остаться в Эвре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.